

ГЕРМАНСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ В XX ВЕКЕ

Наука о народах возникла в Германии и первоначально подразделялась на этнологию /Völkerkunde/, народоведение /Volkskunde/ и этнографию. До недавнего времени этнология изучала жизнь «естественных» /первобытных/ народов, народоведение занималось бытом немецких стран и областей, а этнография собирала материальные свидетельства прошедших времен. Толчком к интенсивному развитию этнологии первоначально послужила колониальная деятельность метрополий. Полтора века кардинально изменили мир, но эта наука продолжает существовать, несмотря на постоянные дискуссии о ней. Многочисленные направления и школы внутри этнологии, опровергающие друг друга, лишь подчеркивают необходимость точного определения её предмета и методов.

Термин Völkerkunde появился на страницах гамбургского журнала «Путешественник» в 1782г, но лишь в середине XIX века этнология была признана самостоятельной наукой. До этого велось накопление этнографического материала и уточнялись исторические понятия. В первой половине XIX века появились работы, в которых ставились теоретические проблемы этнологии. Вышел труд Ф.А. Каруса «Мысли к истории человечества», 1909г. и «Всеобщая история человечества», 1943г. историка и собирателя древностей Г.-Ф. Клемма. При основании Берлинского университета в 1910г., первым ректором которого стал крупнейший философ И.-Г. Фихте, географы и историки начали читать лекции по этнологии, включая их в общие курсы по своим предметам. Специальные курсы по этнологии вел историк Ф.К. Мюллер. Затем этнологические и этнографические курсы читались в других университетах Германии, Австрии и Швейцарии. Значительную роль в распространении этнологических знаний сыграли музеи, большинство которых основано в XIX веке.

«Отцом немецкой этнологии» считают выдающегося антрополога и этнографа, крупного теоретика Адольфа Бастиана /1826-1905/, с 1866г. преподававшего в Берлинском университете. Благодаря его бурной научной и организаторской деятельности Берлин стал во второй половине XIX века одним из основных центров развития этнологии в немецкоязычных странах. В 1869г. по инициативе Бастиана и Рудольфа Вирхова был основан «Этнологический журнал», сохранивший научное значение до наших дней. Научные интересы Бастиана охватывали теорию этнологии и культуры, религиозные верования, нравы и мировоззрение первобытных народов. В его теоретических взглядах сочетались психологизм и биологизация общественных явлений. «Душевно-духовная жизнь пол-

ностью подчинена биологическим законам», – писал Бастиан. Как антрополог он одним из первых попытался соотнести культурные способности людей разных рас с объемом их черепа. Одновременно Р. Вирхов обосновывал физиологические критерии умственного превосходства более высоких рас над «отсталыми» народами.

Многие идеи Адольфа Бастиана заимствовали различные школы этнологии будущего. Он первым выделил значение этнического фактора для науки. Бастиан использовал в своей теории богатое историческое наследие немецкой классической философии. Ему принадлежит «идея развития» /Entwicklungs-idee/, учение об «элементарных» /Elementargedanke/ и «народных» /Volks-gedanke/ идеях, принадлежащих не индивиду, а группе. Расовые и культурные различия у разных групп человечества Бастиан объяснял различиями в окружающей среде, в связи с чем он выработал понятие о «географических провинциях», которые переняла Венская культурно-историческая школа /о ней выше/. Следует отметить условность всех известных классификаций направлений и школ в этнологии. Основные понятия этой науки понимались сторонниками разных школ по-своему. К тому же очень редко ученики последовательно шли за учителями. Многие ученые за свою жизнь меняли взгляды на теоретические проблемы этнологии. Крупные фигуры вводили собственные, субъективные термины в науку.

Первым направлением в этнологии, получившим широкое распространение в германоязычных странах, стал *эволюционизм /теория развития/*. Историки этнологии с оговорками относят к эволюционизму Адольфа Бастиана /1826-1905/. Его заслуга заключалась в постановке важных проблем, так и не решенных до конца из-за предвзятого отношения к научным выводам расовой теории. Пытливая мысль ученого постоянно спотыкалась на этом пути. Он говорил о необходимости «добыть первичную мысль», которая с позиций эволюционной биологии и лингвистической семантики сводится к расовым представлениям народов. «Каждый народ развивает из себя определенный круг идей», – писал Бастиан, но при этом объявлял себя сторонником монофилетизма /происхождение народов из однородной группы особей/. – Приверженцам этой теории не удалось доказать, почему так далеко ушли от «одного ствола» разные расы и этносы. Неудивительно, что эволюционизм в лице его менее крупных представителей называл развитием механическое наращивание народами всевозможных свойств, часто без выводов о целесообразности и конечном эффекте таких изменений.

Видным сторонником эволюционного развития культуры и социальных институтов человечества был швейцарский ученый Иоганн-Якоб Бахофен /1818-87/ – последователь идей немецкого романтизма и мистически настроенный консер-

ватор. Он занимался проблемами родства при изучении социальной организации первобытных и полупервобытных народов. К заблуждениям Бахофена относилось многократно опровергнутое наукой предположение об эпохе господства женщин, как всеобщей стадии развития /матриархат/.

К последователям эволюционизма относился известный немецкий ученый Генрих Шурц /1863-1903/. Его капитальная «История первобытных народов» содержит обширный и достоверный материал, умелый анализ и ясную классификацию явлений культуры. Но и Шурц придерживался ошибочных представлений о прямолинейном, непрерывном развитии исторических явлений и сопоставлял общественные институты у народов, стоявших на самых различных уровнях хозяйственного, общественного и культурного развития. Те же ошибки повторял известный исследователь первобытной культуры Юлиус Липперт /1839-1909/.

К числу видных этнологов-эволюционистов принадлежали Г. Бушан и К.-Т. Преусс. Георг Бушан /1863-1942/ – антрополог, издавший в Берлине и Лейпциге популярные до наших дней, богато иллюстрированные труды с описанием культур народов земли. В монографии «Наука о человеке» он подтверждал концепцию нордического происхождения белой расы и противопоставлял европейцам «низшие расы», приближая последних к типу антропоидов. Большую известность получили в свое время труды по истории религии и культуры профессора Берлинского университета, директора музея и члена НСДАП Конрада-Теодора Преусса /1869-1938/. Преусс до конца оставался верен идеям эволюционизма, которые интерпретировал в духе германского народоведения 30-х годов. Значителен труд выдающегося немецкого расолога Ганса Гюнтера /1891-1968/, посвященный целям, направлениям и методам этнологии /«Richtpunkte und Methoden der Völkerkunde», 1924/. Его отличает объективная оценка эволюционизма в ряду других направлений этнологии.

Повышенный интерес к теории развития проявлял немецкий антрополог Феликс фон Лушан /1854-1924/ – издатель посвященного колониальным проблемам тома «Сообщения по этнологии территорий, находящихся под защитой Германии». Лушан много сделал для утверждения этнологии как науки. В 1882г. он защитил докторскую диссертацию о физических особенностях человеческих рас, /в частности, с его именем связаны методики измерения цветов кожи/. Лушан разделял все базовые постулаты классической расовой теории о Северное Европе, как прародине европеоидной расы, и был занят поисками «благородного хамитского типа». В Берлинском музее он руководил отделом Африки и Океании, имевшим до Первой мировой войны все условия для эксплуатационной деятельности в германских колониях, а с 1909г. до смерти возглавлял первую кафедру этнологии Берлинского университета. Но основным полем деятельности фон Лушана было Средиземноморье и Ближний Восток, куда он совершил двена-

дцать экспедиций, описав их с точки зрения этнологии. Развивая расовую проблематику, ученый признавал для истории культуры значение многочисленных заимствований. Выказывая широту взглядов, он предложил разработанную в дальнейшем многими авторами гипотезу о «конвергенции» – сходстве культурных ценностей у разных народов без взаимовлияний.

Господство в немецкой этнологии эволюционизма сохранялось почти до конца XIX. Но по мере накопления этнографических данных выяснялось их противоречие с теорией. «Пережитки», на которые указывал эволюционизм, часто были живыми, действующими институтами, не восходящими к прошлым стадиям развития. Развитие понималось как однолинейный процесс перехода от простого к сложному, без качественных изменений. Богатство культурного развития подменялось сухой прямолинейной схемой. К достоинству эволюционизма, способствовавшему развитию науки, относился учет психических и биологических факторов.

В последней четверти XIX века наступила пора поисков новых теоретических решений, объясняющих ход изменений и многообразие культуры. Развернулись острые дискуссии. При этом критики крайностей эволюционизма признавали за ним принципиальную правоту исторического подхода. Не случайно практически все последующие направления в этнологии перенимали идеи ведущих представителей теории развития, добавляя к ним собственные. В результате панорама этнологических направлений и школ изобиловала удивительной пестротой идей, указывающей на отсутствие единого наукообразующего стержня.

Ряд самых популярных учений, пришедших в германоязычных и англосаксонских странах на смену эволюционизму, получил общее название «диффузионизма». Новое направление объясняло развитие культур главным образом заимствованием культурных достижений друг у друга, или миграциями народов. В то же время идею распространения культурных явлений путем диффузии разделял ряд ведущих ученых разных направлений, от классика эволюционизма Бастиана до представителей будущей антропосоциологии, не придавая ей, однако, доминирующего значения. И почти никто не отрицал значение культурных влияний в какой-либо форме.

В большей части российской и зарубежной литературы предтечей диффузионизма принято считать знаменитого профессора Лейпцигского университета Фридриха Ратцеля /1844-1904/, создателя перспективного учения – «антропогеографии» /так назван его капитальный труд/. Необыкновенная эрудиция и дар к широким теоретическим обобщениям сделали этого ученого виднейшим представителем мировой этнологической науки своего времени. Ратцель не сводил существо культурных процессов к диффузии, хотя придавал заимствовани-

ям немалое значение в развитии культуры. Ему был чужд догматизм любого рода, еще и потому, что он, будучи географом, подходил к научным проблемам с позиции своей науки. Ратцель не считал себя этнологом, но, исследуя связь человеческой культуры и природных условий, он оказал значительное воздействие на развитие этой науки, вплоть до современных направлений.

Большое место в трудах ученого занимает этнографическое описание внеевропейских народов. Ратцель придавал особое значение фактору подвижности населения, его численности и местоположению для исторического процесса. Он утверждал, что с численным ростом народа усиливается внутреннее движение, история приобретает интенсивный характер. А когда народ исчерпывает возможности пропитания, это толкает его к движению наружу, т.е. к экспансии. Таким образом, в истории чередуются этапы относительного покоя и подвижности. Воздействие этих идей Ратцеля испытал Л.Н. Гумилев, предложивший концепцию «пассионарности» и ее роли в истории и этногенезе народов. «То, что облегчает движение народов, ускоряет также ход истории», – утверждал Ратцель. Хотя ученый не концентрировал внимание на Германии, а приводил в пример народы Африки, национал-социалисты не без основания ссылались на геополитические идеи ученого в оправдание своей «восточной» политики.

Причисление Ратцеля к диффузионистам основано на его идее о распространении культурных явлений из какого-то одного первоначального центра, названного им «географическим направлением». Но ученый рассматривал историю культуры с гораздо более широких позиций, учитывая сложные процессы этногенеза, родство происхождения по крови и этнографическое сходство, вызванное внешними соприкосновениями и связями. Самостоятельны выводы Ратцеля о единстве человечества в физическом и умственном отношении, не затрагивающие острые стороны расовой теории.

Ученый уделял должное внимание процессам колониализма. «Завоевание оружием чужих стран отходит на второй план, а на его место постепенно выступает экономическое завоевание», – писал Ратцель. – «Колонизация принимает характер организованного управления и руководства туземцами для лучшего использования их сил». Но одновременно Ратцель осуждал многие методы колониальной политики: захваты земель у местного населения, его спаивание и т.п. Он возражал против понятия «неисторические народы», указывая, что «их достижения не потеряны для культуры». Подобное понимание разумного колониализма было характерно для ряда видных ученых еще в 50-е годы XX века.

Проблемам этнологии и этнографии Фридрих Ратцель посвятил фундаментальный трехтомный труд «Völkerkunde». Здесь он систематизировал огромный, не утративший значения в наши дни материал, описав стоявшие на различном

уровне культурного развития народы Океании, Америки, Азии и Европы. Мысли Ратцеля оказали воздействие на формирование в советской науке учения о хозяйственно-культурных типах, а его учение о «культурных зонах» в ухудшенном виде было воспринято Ф. Гребнером в идее «культурных кругов». До сих пор имеет стойкую перспективу для исследований «антропогеография» Фридриха Ратцеля.

Новые потребности времени и расширение круга этнологических понятий привело к возникновению *культурно-морфологического направления*. Одной из самых ярких фигур в немецкой этнологии с конца XIX до 30-х годов XX века был Лео Фробениус /1873-1938/ – археолог, этнолог и фольклорист, основоположник культурно-морфологического учения и глава этнологической школы, основатель Института культурной морфологии, переименованного после Второй мировой войны в Институт Лео Фробениуса. Не имея свидетельства о высшем образовании, он получил все свои обширные знания самостоятельно. С 1904 по 1915 год Фробениус совершил семь экспедиций в разные части Африки, опубликовав на основе собранных материалов первые капитальные труды и ряд статей.

Во времена его молодости в Германии была поставлена проблема «всемирной истории». Но «мир» тогда охватывал лишь Европу, а, в лучшем случае, также Египет и Переднюю Азию. Крупнейший историограф XIX века Леопольд Ранке исключал из мировой истории Индию и Китай, относя их к ведению естественной истории. Население Африки, Океании и Южной Америки для науки того времени находилось еще в «естественном» /*natürlichen*/ состоянии. Фробениус всегда возражал против такого взгляда, доказывая самобытность и сложную культуру народов Африки и других далеких областей мира. Под руководством Ф. Ратцеля он работал некоторое время в Лейпцигском музее этнологии и уже тогда свою основную задачу видел в новом постижении культуры на основе предложенных Ратцелем критериев. Со временем Фробениус стал виднейшим африканистом /ключевой труд «Африканская культура» – «*Kulturgeschichte Afrikas*»/. Его многолетняя научная деятельность приобрела наиболее интенсивный характер с 20-х годов, включая период при национал-социализме. Курьезным эпизодом в биографии Фробениуса, характеризовавшим, впрочем, стиль его жизни и политические пристрастия, стала экспедиция в Эфиопию и Судан для организации там восстаний против колониальных властей Запада по заданию императора Вильгельма II, находившегося с ним в дружеских отношениях. Экспедиция закончилась неудачей, но Фробениус заработал Железный крест II степени.

Уже в начале творческого пути Лео Фробениус обновил теоретические основы этнологии. Именно его наряду с Ратцелем признают основоположником учения

о «культурных кругах». Культурный круг определялся Фробениусом как область распространения нескольких сходных культурных ценностей – остаток некогда широкой культуры. Он ставил задачу охватить культуру во всех её проявлениях, как целое, и только после этого анализировать отдельные черты культуры. Структурный характер такого подхода выгодно отличался от чисто количественного, механического конструирования «культурных кругов» Ф. Гребнером, заимствованного затем культурно-исторической школой В. Шмидта /о ней ниже/.

Теоретические изыскания Лео Фробениуса привели к постановке задачи реконструировать культурно-исторические эпохи, вписав их в единую картину мировой культуры. Эта грандиозная задача едва ли может завершиться когда-либо конечным результатом, так как развитие науки ставит все новые задачи перед учеными. Но роль Фробениуса в истории этнологии далеко не ограничивается богатством собранного им этнографического и археологического материала. Синтезирующий взгляд ученого на историю человеческой культуры открыл широкие возможности для развития этнологии как самостоятельной науки об этносах.

Хотя Лео Фробениус в отличие от О. Шпенглера утверждал, что нет «неисторических» народов и наука не должна ограничиваться изучением высоких культур, он вплотную подходил к учету расовых мотивов в исследованиях о «мужских» и «женских» культурах и в классификации культур на «хамитскую», «семитическую» и «азиатскую» /вдобавок к «южноэритрейскому», «североэритрейскому», «сиртскому», «атлантическому» и «западноафриканскому» культурным кругам/. К тому же Фробениус отказывал африканским народам в способности к дальнейшему самостоятельному развитию, как в общественно-политической области, так и в сфере просвещения и науки, рассматривая эти народы как часть колониального целого.

В то время как Лео Фробениус не придавал самодовлеющего значения своему представлению о культурных кругах, рассматривая их лишь как один из инструментов при анализе культур, в немецкоязычных странах в конце XIX века сложились этнологические учения, претендовавшие на принципиальную новизну, эксплуатируя эту плодотворную идею Фробениуса. В конце XIX – начале XX века в странах немецкого языка сложились этнологические учения, оказавшие воздействие на американскую, а позднее и российскую науку о народах. Это было связано, прежде всего, с широкой пропагандой учения Ф. Гребнера о «культурных кругах».

Историк-медиевист Фридрих Гребнер /1877-1934/ был кабинетным ученым, никогда не выезжавшим в экспедиции, знавший этнологию и этнографию только

по книгам и музейным коллекциям. Сомнительная суть его метода заключалась в том, что при умозрительном конструировании культурных кругов он использовал случайные признаки. В один ряд ставились несопоставимые по значению явления. Например, экзогамия – копье-металки – соляная мифология – лодка однодревка – лук – земледелие и т.п. На термин «развитие» было наложено табу. Вместо него употреблялось неопределенное «изменение». В сущности Гребнер основал свое учение на постулатах неокантианской Фрейбургской школы о том, что система наук должна строиться на субъективном восприятии действительности, и что история не знает общих закономерностей, имея дело только с неповторяющимися фактами. Исходя из этого, ученый занялся выделением произвольно выделенных «культурных кругов», прослеживая их изменения. Такого рода «историзм» открывал дорогу бесчисленным и противоречивым толкованиям развития культуры, в результате чего этнологическое направление на этом пути однажды зашло в тупик.

Однако гребнеровский схематизм был использован в теоретических построениях *Культурно-исторической школы* Вильгельма Шмидта. В. Шмидт /1868-1954/ в молодости принял сан священника, несколько лет изучал лингвистику в Берлинском университете, а в 1906г. основал интернациональный журнал «Антропос», посвященный вопросам языкознания и этнологии. С 1924 по 38г. он читал курсы по этим предметам в Венском университете. После войны Шмидт возобновил руководство основанным им Институтом «Антропос» близ Вены. Главным делом ученого стало создание многотомного труда «Происхождение идеи Бога» /первый том вышел в 1912г./.

Этнология интересовала Шмидта не как самоцель, но как средство использования этнографических данных для подтверждения церковных догматов. Основы его этнологического учения не отличались оригинальностью. Они сводились, в конечном счете, к идеям Э. Ленга о первобытном монотеизме и «культурным кругам» Гребнера, которые Шмидт привел в соответствие со своей «идеей Бога», разработав охватывающую все историческое пространство систему кругов – от наиболее примитивных до самых культурно развитых. Ряд немецких этнологов 1933-45 годов разделяли подобные взгляды, но Шмидт и его Культурно-историческая школа, отрицавшие иерархию рас и культур, вызывали особое недоверие национал-социалистов. Однако даже ближайшие сотрудники В. Шмидта критиковали его систему за статичность и несоответствие многообразию культурных проявлений.

Публикации расистского толка в немецкой этнологии и антропологии появились на рубеже XIX и XX веков. Одним из первых в Германии, в 1893г. с проповедью социального дарвинизма, «политической антропологии» и антропосоциологии выступил известный этнолог Отто Амон, предложивший для установления уров-

ня культуры индивида и популяции измерять головной указатель. Другой знаменитый ученый Людвиг Вольтман считал биологическую историю человеческих рас истинной историей государства. Даровитость расы, по [Вольтману](#), пропорциональна её пигментации. – Поэтому германская раса должна господствовать над «пассивными» расами, как служебной частью своего культурного развития. Взгляды расистского характера высказывал в 20-е годы этнолог Себальд Штайнмец, продолжавший научную деятельность при национал-социалистах как сторонник «народно-социологического» направления. Однако, за небольшим исключением, в немецкой этнологии до образования Третьего Рейха преобладали идеи равенства рас.

Перед приходом к власти национал-социалистов проблема расы попала в центр внимания этнологов разных направлений и «свободных» ученых. В 1926г. К.-Х. Бауэр опубликовал книгу «Расовая гигиена. Её биологические основы», 1926г. По этим темам работали видные фигуры в научном мире. Среди них – крупнейший антрополог, историк первобытного общества и расолог Ойген фон Эйкштедт /1892-1965/, основавший в 1934г. кафедру этнологии в Университете Бреслау, автор двух девятистотстраничных томов «Расологии и расовой истории человечества» /1938-43/. Там он писал: «Расовые различия появились еще до того, как возникло само человечество». Расы с ускоренными темпами развития Эйкштедт назвал «прогрессивными», подчеркнув, что примитивные расы из-за отсутствия роста и специализации вырабатывают инфантильные и животные признаки. Его труд, содержащий обширные сведения по расовой морфологии и генетике, сохранил всё значение как образец научной добросовестности и корректности.

Другим авторитетом в вопросах расы был Фридрих Кайтер /1906-67/ – один из создателей целого направления в расовой теории – *культурбиологии*. В трехтомном сочинении «Раса и культура» /1938/ он обосновывал критерии биологической оценки культурно-творческих способностей отдельных рас на обширном историческом и естественнонаучном материале. Эти построения венчала концепция Европы как «расово-биологической культурной провинции». Кайтер был занят поисками «души расы». В справочнике 1956г. он дал развернутую характеристику первобытных народов. Эйкштедт и Кайтер были членами НСДАП, что не мешало их плодотворной научной работе. Вопросов расы касались этнологи: Освальд Менгин, Р. Шибольд, А. Торар и многие другие.

С расовых позиций рассматривал проблемы колониализма известный африканист Дитрих Вестерман, убежденный сторонник использования для Германии колониальных богатств и рабочей силы африканцев. Он анализировал ход изменения культуры местного населения под воздействием колониальной системы, выступая против неумеренной эксплуатации, что грозило самой системе ко-

лониализма. Вестерман резко критиковал порядки в колониях западных стран и считал, что колониальные народы должны интегрироваться в современное общество. В работе «Африка как европейская задача» он

утверждал, что «Германия, как ведущая сила Европы, призвана принять на себя главную роль в координации отношений между европейцами и африканцами». Доводы немецких ученых о необходимости гуманного отношения к отсталым народам сопровождались ссылками на варварский характер эксплуатации местного населения в английских, французских и бельгийских колониях. Такого рода обращение с «туземцами» было характерно для демократических государств Запада еще в 60-е годы XX века. – Англичане в это время продолжали уничтожать туземное население Австралии. Не меньшую жестокость проявляли при случае французы в Индокитае.

Со второй половины 1920-х гг. появлялись произведения, проникнутые геополитическими мотивами и идеями «расовой гигиены». О недостатке жизненного пространства для немцев писали Г. Гримм и А. Меллер. Ван ден Брук предвозвестил приход «Третьей Империи». Всё большее число историков, философов, антропологов и народоведов развивали идеи, ставшие впоследствии составной частью идеологии нацизма, которая практически полностью сформировалась к началу 30-х годов. Один из основополагающих принципов национал-социалистической идеологии – «völkisch-rassisch»

был изложен Адольфом Гитлером в «Mein Kampf». Он противопоставил его марксизму, который «планомерно передает мир в руки еврейства,...тогда как фёлькише-мировоззрение видит значение человека в его расовых древних элементах... Оно ни в коей мере не исходит из равенства рас,...но соответствует стремлению, господствующему в универсуме, способствовать победе лучшего и наисильнейшего и стремиться к подчинению худших и слабейших». Главный идеолог национал-социализма Альфред Розенберг писал, что мерой чаяний, воли и дел, подлинным критерием всех ценностей является всепроникающий расовый дух нации. Всю историю человечества, по Розенбергу, составляет борьба двух рас: иудейско-сирийско-римской и нордической, арийской /падение Рима он объяснял смешением с восточными расами/.

Расовые мотивы затрагивали в своих трудах ведущие немецкие этнологи, по-разному объясняя их значение. Нужно отметить, что национал-социалистическое государство уделяло значительное внимание научному творчеству, не вмешиваясь в его процесс. Серьезные успехи были достигнуты в областях естественных и точных наук. В гуманитарной сфере дело обстояло сложнее. Но и здесь, даже в исторической науке и философии допускались проявления самостоятельности. Хайдеггер, [Крик](#), Клагес и другие видные гуманитарии

выпускали серьезные работы, не утратившие научного значения до наших дней. Этнология из-за традиционно повышенного внимания к неевропейским народам оказалась в более трудном положении, но, как правило, ведущим этнологам позволяли вести исследования и публиковать материалы в традиционном академическом духе. Методологические установки немецкой этнологии не изменились при новом режиме. Прежнего стиля придерживались даже те из крупных этнологов, кто провозгласил себя сторонником национал-социализма. Ученые продолжали разрабатывать как прежние, так и

новые направления в науке. Они свободно цитировали и ссылались на англо-американские источники, и даже на работы советских ученых /во время войны!/. Например, повышенным вниманием пользовались труды крупного специалиста по этносам С.М. Широкогорова. – Для сравнения, в СССР замалчивались имена видных немецких этнологов той поры, а в специальной литературе мимоходом заносили в сторонники «колониализма» и «расизма» нейтральных к национал-социализму В. Шмидта и Гребнера.

Ведущие лица Третьего Рейха по-разному относились к этнологии. Гитлер не придавал серьезного значения этой науке. Больше внимание этнологии уделяли Розенберг, идеолог «крови и почвы» Вальтер Дарре и особенно Генрих Гиммлер, лично курировавший научно-исследовательскую организацию «Аненэрбе» и проявлявший живой интерес к проблемам этносов. Ряд новых течений оказались созвучными задачам тоталитарной идеологии. Их представляли функционалист Ф. Краузе, автор этносоциологии Р. Турнвальд, антропологическое направление, связанное с расоведением /Г. Тилениус, П. Хамбрух, В. Шейдт/.

К концу 20-х годов многие ученые отмечали кризисные явления в немецкой этнологии, в связи с чем в 1929г. было созвано совещание «Общества этнологии». В ходе дискуссии был назван ряд теоретических течений: «культурных кругов» /Б. Анкерман, В. Шмидт, В. Копперс, Ю. Липс и др./; «психологическое» /Р. Турнвальд, Т.-В. Данцель/; «культурно-научное» /А. Хаберланд, Ф. Краузе/; «этно-биологическое» /Г. Тилениус, Х. Хамбрух/; «антропософское» /Р. Карутц/. В действительности картина выглядела сложнее, так как границы между направлениями были размыты, а многие этнологи использовали в своих научных построениях положения казалось бы несовместимых течений и произвольно относили себя то к одному, то к другому из них. Классификаторы также пользовались субъективными критериями, определяя принадлежность ученых к одному из направлений.

Непосредственная точка соприкосновения между национал-социализмом и этнологией состояла в признании того, что каждая народность, этнос

/«Volkstum»/ обладает неповторимым своеобразием, что было важной составной частью национал-социалистической «Völkische»-идеологии. Ряд видных этнологов восхвалял «вождей» и гитлеровское движение /В. Мюльман, Людвиг Коль-Ларсен, Ф. Краузе, К.-Т. Преусс.../. К ведущим профессорам-этнологам, состоявшим в НСДАП, относились: Г. Бауманн, М. Хейдрих, Краузе, Х. Плишке, Преусс, Г. Тилениус, Б. Штрук, Г. Тримборн, Х. Дамм, Г. Эккерт, В. Фройлих, В. Хиршберг, В. Мюльман и знаменитый расолог Отто Рехе. Пятеро из них заняли после войны руководящие позиции. Так, Дамм стал в ГДР директором Лейпцигского музея этнологии. Другие заняли разные этнологические посты в западной зоне оккупации, а затем в ФРГ. Интересна судьба австрийского этнолога Фрица Флора. В первой половине 30-х годов он работал в Институте этнологии Венского университета, но как национал-социалист потерял место и не смог продолжать научную работу. После аншлюса Австрии в 1938г. Флор стал сотрудником имперского министра Зейсс-Инкварта. Одновременно он занимался индогерманской проблематикой, а годом позже погиб в автокатастрофе.

После 1933г. из Берлинского общества этнологов стали изгонять «неарийских» членов. В 1935г. его председатель К.-Т. Преусс утверждал, что Общество ставит себя «сознательно и радостно» на службу новому государству. В. Мюльман восхвалял гитлеровское движение и выступил с милитаристскими призывами. Чистки затронули многих этнологов. По расовым признакам эмигрировали: Л. Адам, Э.-М. Харнбостель, Ф.-Р. Леман, П. Лезер, Л. Захе, О. Самсон, Л. Шерман, Р. Хейне-Гельдерн. – Любопытно, что кроме африканиста и историка религии Лемана, ни один из перечисленных ученых не оставил заметного следа в своей науке. Были уволены из-за «неарийских» родственников Т.-В. Данцель /Гамбург/, А. Ензен /Франкфурт/, Д. Вольфель /Вена/. Как социал-демократы, покинули Германию Юлиус Липс и Отто Манхен-Хельфен. По политическим причинам уволили Г. Кунова, Э. Эркеса /Лейпциг/ и ряд других. Неприятности имел Гамбургский музей этнологии из-за «нелояльности». В двух случаях причиной стали экспозиции, включавшие предметы еврейской культуры /алтарь, тора, нож для обрезания/. По словам современного историка этнологии Г. Фишера авторами антиеврейских акций выступили не нацистские власти и не члены НСДАП – работники музея, а население Гамбурга /!/.

Сегодня в силе остается вопрос: существовала ли «нацистская этнология»? Большинство работ, опубликованных в 1933-45 гг. были далеки от политики. В этнологических работах не встречались политические клише вроде «западной плутократии» и т.п. Некоторые этнологи проявляли повышенное внимание к «сферам интересов Германии» /бывшим колониальным владениям/. В 1933г. председатель Союза немецких обществ антропологии, этнологии и древней истории разослал циркулярное письмо с извещением о принятии руководством «фюрер-принципа». Новый вождь Союза О. Айхель назначил в Совет вождей

Ф. Краузе /этнология/ и Я. Фризена /доистория/. Но обвинения ведущих немецких этнологов в беспринципности лишены основания, так как большинство из них придерживалось консервативных убеждений задолго до прихода к власти национал-социалистов.

Тем временем продолжали деятельность старые направления в этнологии. Пыталась освежить свою теорию Культурно-историческая школа, сторонники которой, используя значительный эмпирический материал, догматически интерпретировали его и опровергали друг друга. Родоначальник школы В. Шмидт продолжал интенсивную работу и после эмиграции в Швейцарию в 1935г. Известны его публикации об отсталых народах Африки, по истории религии, института собственности, семьи и брака, часто некорректно связывающие факты первобытной истории с излюбленными теологическими положениями. Шмидт, однако, не пришел к убедительным заключениям ни в области антропогенеза, ни в древнейших этапах истории культуры.

В 1920-30-е гг. и позднее он принимал живейшее участие в дискуссиях по расовым проблемам, опубликовав в 1927г. крупную монографию «Раса и народ», а в 1935 – книгу «Раса и мировоззрение». Шмидт рассматривал признаки рас, их изменчивость, соотношение расовой принадлежности и душевных качеств. Российский исследователь Г.Е. Марков назвал эти взгляды «непоследовательно антирасистскими». Отрицание Шмидтом непосредственной связи между принадлежностью к определенной расе и умственными способностями и психическими качествами стало причиной запрещение публиковать его книги по расовым вопросам со стороны нацистских властей. В середине 90-х годов бездоказательные обвинения в антисемитизме и расизме в адрес Шмидта содержались в публикациях эмигрировавшего в свое время из Австрии по расовым мотивам В. Достая. Часть учеников В. Шмидта: В. Копперс, П. Шебеста, М. Гузинде и ряд других миссионеров-этнологов создали труды с описанием многих народов, обитавших в глухих, географически изолированных уголках земли. Многие ученые высказывали сомнения в достоверности материала, представленного самым известным последователем Шмидта – В. Копперсом /1886-1961/.

Было немало ученых, на свой лад разделявших концепцию культурных кругов и некоторые положения культурно-исторической школы. В их числе – известные этнологи-американисты Г. Тримборн /Германия/ и В. Хиршберг /Австрия/, африканист Г. Бауманн /все трое – члены НСДАП/. Генрих Тримборн /1901-86/ со временем все критичнее относился к культурно-историческому учению и «культурным кругам». Но его неизменно привлекали проблемы, связанные с этими учениями, поскольку историзм и творческое осмысление «кругов» предоставляли возможности для широких теоретических обобщений, в том числе с учетом расовых факторов в прямом или неявном виде, что уменьшало опасность по-

гружения в бессистемный эмпиризм. С 1937г. Тримборн был профессором Боннского университета. Он совершил несколько поездок в Страны Старого и Нового Света и приобрел репутацию крупного специалиста по Южной Америке, особенно Колумбии и Перу, исследуя древние культуры ацтеков и майя. Благодаря его энергичной научной и организаторской деятельности /более 130 работ, в том числе 12 книг/ в Бонне сложился авторитетный центр американистики. В отличие от Шмидта Тримборн не относил «древние культуры» к единому культурному кругу. Он придерживался идеи качественного различия человеческих групп уже на стадии праэтносов и пришел к мысли, что «культурные круги в действительности могут быть только самостоятельными этнографическими типами». Идея «всесмешения» человеческих сообществ была ему чужда. Приверженность историческому направлению Тримборн сохранил и после Второй мировой войны, но отошел от большинства позиций Культурно-исторической школы /об этом ниже/.

Последовательнее разделял многие концепции этой школы крупнейший немецкий африканист Генрих Бауманн /1902-72/. В девятилетнем возрасте /!/ он заинтересовался этнологией, как наукой о культуре, и начал систематически читать этнологическую литературу. После завершения высшего образования Бауманн защитил в 1935г. докторскую диссертацию и с 1921 по 45г. работал в Берлинском музее этнологии, одновременно преподавая в университете. Его многочисленные исследования были посвящены описанию этнической истории и культуры народов Африки, а капитальный труд «Сотворение и древность человека в мифах африканских народов» богата убедительными фактическими материалами в такой степени, что позднейшие ученые-африканисты лишь немного смогли добавить к выводам Бауманна.

Он был одним из виднейших этнологов, разделявших основные политические идеи национал-социалистов /в общественной позиции и в устных выступлениях/. Однако это почти не отразилось в его научных исследованиях и публикациях, за исключением повышенного интереса к колониальным проблемам в связи с геополитическими устремлениями Третьего Рейха. Но это было характерно и для работ ученых, оппозиционно настроенных к национал-социализму. Долгое время Бауманн руководил «Этнологическим журналом», а с выходом в 1940г. «Этнологии Африки» он получил широкое признание и огромный авторитет как африканист. Интересна его гипотеза о происхождении высоких культур и цивилизации на основе народов-охотников, тогда как ручные земледельцы тропиков сложились позднее. Таким образом, ученый систематизировал свой африканский материал по географическим зонам, выделив северную, более «светлую» часть Африки, как место зарождения высоких культур. После войны Бауманна лишили права преподавать в университетах и, чтобы выжить, он организовал цирк шапито, а также гнал самогон на продажу. В конечном счете, с помощью

друзей он благополучно пошел денацификацию и продолжил научно-педагогическую деятельность в Мюнхенском университете. Бауман имел множество учеников и среди них немало ставших известными учеными.

Авторитет приобрел сотрудник этнологического музея Вены, специалист по истории первобытного общества Вальтер Хиршберг. Его теоретические воззрения отразились в обобщающем исследовании «Этнология» /1936/. Являясь членом НСДАП по политическим убеждениям, Хиршберг в науке придерживался установок, далеких от идеологии. Он называл культурно отсталые народы «природными», не отделяя их явно от «цивилизованных» людей. Хиршберг утверждал, что примитивные земледельческие культуры имеют преимущественно «женский», а охотничьи и скотоводческие – «мужской» характер. Ученый проявлял интерес к проблемам колониализма в духе традиционной германской геополитики. Так, Хиршберг писал, что в колониях нельзя просто насаждать европейскую культуру, поскольку это грозит возникновением местного пролетариата, что крайне затруднит колониальное управление. Теоретическое наследие ученого связано с так называемой «хамитической теорией». Её суть сводилась к идее воздействия на народы восточной части Африки и ее внутренних областей арабо-персидских и индийской культур.

Культурно-историческое направление постепенно лишалось своих приверженцев из-за догматического подхода ее основателей и ограниченного историзма, не учитывавшего в должной степени силу этнических разграничений. Удар по этому направлению в целом был нанесен в 1933г. в Германии и в 1938г. в Австрии. В результате большая часть его последователей эмигрировала, а центр направления переместился в Швейцарию.

В этнологии продолжали деятельность сторонники культурно-морфологического учения, основы которого, как уже говорилось, заложил Лео Фробениус. Его работы отличались резкой биологизацией культурных явлений. Культуру ученый понимал как биологический организм, который рождается, стареет и умирает /отсюда «морфологическое» в названии направления, т.е. изучающее закономерности изменения живого организма/. Из этого следовало, что культура возникает и растет сама по себе, независимо от человека, но как результат воздействия на неё природных условий и возможностей хозяйственной деятельности. «У культуры нет ног, и поэтому она заставляет человека переносить себя. Человек или народ – носитель культуры»,- писал Фробениус. Еще в 1904г. он выдвинул получившую впоследствии широкую известность гипотезу о наличии «солярно-мифологического» этапа в истории культуры. В поздних работах Фробениуса появилось понятие «душа культуры» /не без его влияния Альфред Розенберг, снисходительно относившийся к учению Фробениуса, в «Мифе XX века» употреблял сходные понятия/. Таким образом, культурно-

мифологическое направление получило завершённый вид, включив в «организм» культуры духовную составляющую. В полном виде учёный изложил свои культурно-философские взгляды в труде «Пайдеума»: очерки культурного и духовного учения» /1921/. Пайдеума у Фробениуса – творческое начало, формирующий принцип: «Пайдеума образует расы», – писал учёный. Так, по его мнению, восточные люди обладают «пещерным сознанием», в отличие от нордических, имеющих «расширенное мироощущение». Однако он нигде не утверждал, что существуют высшие и низшие расы, но что меняют все условные обозначения?

В обобщённой форме Фробениус представил свои идеи в книге «Весть судьбы» /1931/, из-за сопротивления научных кругов и издательства вышедшей лишь через год. Причиной задержки была критика «революционного муравейника» /веймарской Германии/ и прогноз тоталитарного будущего страны. После некоторой доработки в духе времени книгу переиздали в 1938г. Здесь Фробениус предсказал всеобщее крушение демократии и «сооружение новых конструкций», что явится отражением воли и «способностей народной души». В основе обновления, по Фробениусу лежало то, что «немецкий народ обладает особым пониманием смысла жизни». Учёный писал об упадке культуры во всех областях «механизированной и интеллектуализированной жизни Германии, до 1933г.,...что противоречит немецкой сущности, но свойственно западной культуре – французскому рационализму, английскому реализму, американскому материализму». «Все народы мира оказались под тиранией западной культуры, ...которая стремится навязать им свои культурные ценности и признает только то, что может быть измерено и точно определено. Всё прочее отрицается. Вследствие этого западная культура нарушила равновесие между душой и познанием». «Дарвинизм и марксизм стали для Германии убеждением, для России – культом. В обоих случаях – обожествление чужих богов», – писал Фробениус.

Бессмысленно упрекать учёного, как это делают его либеральные критики, в логических несоответствиях. Мистико-мифологические идеи придают его конструкциям особый смысл. Фробениус утверждал, что первичным было мифологическое мышление. Мистически настроенный человек существовал со времён Древней Греции. Люди рассматривали свою жизнь как часть мировых событий, не считая себя выше соседей. Но в отличие от Запада, писал Фробениус, на Востоке бытовала резкая оппозиция в оценке своего народа и соседей. В виде примера приводился «израилитизм» с его идеей богоизбранного народа.

Лео Фробениус на свой лад изложил «хамитическую теорию», возникновение которой связано с именем К. Майнхофа и ряда других немецких языковедов. Суть этой теории – в предположении о миграциях с востока или северо-востока Африки на запад континента светлокожих групп населения с высоким уровнем

культурного развития, который был частично воспринят местным темнокожим населением. Фробениус противопоставлял «пассивным неграм» активную сущность хамитов. Этой теории, основанной на ряде археологических и этнологических фактов, а также на исторических свидетельствах миграциях культур и народов, сегодня придерживается ряд авторитетных западных ученых.

Отношение Фробениуса к новой власти было спокойно-нейтральным. В 1933г. известный этнолог-американист, председатель Берлинского общества антропологии, этнологии и предыстории Карл фон Штайнен опубликовал статью «Лео Фробениус как духовный вождь в немецком прорыве», где подчеркнул значение культурной морфологии, «которая должна повысить приверженность к национальной революции». Подобные статьи доказывали приемлемость для национал-социализма любого научного направления, если оно резко не разногласило с его идеологией. Фробениус публиковал свои труды вплоть до начала Второй мировой войны. Никаких притеснений не испытывал и его Институт культурной морфологии. Стоит отметить, что самостоятельность взглядов Фробениуса на культуру «отсталых» африканских народов, двенадцать экспедиций с его участием и обобщающие труды во многом изменили взгляды европейской науки на Африку. Ученый доказал, что её народы имели свою историю и, по словам этнолога Л. Вайда, это «вернуло уважение к африканцам и их самоуважение к себе».

Для большинства ученых, близких к Институту Фробениуса, был характерен эмпирический подход к этнологическим исследованиям. Лишь некоторые из них занимались теоретическими изысканиями. Наиболее известным среди них был Адольф Энзен /1899-1965/. Его деятельность началась в конце 30-х годов и продолжалась в послевоенное время. Основные сферы работ Энзена – возникновение первобытных народов, история религии и теоретические вопросы этнологии. В 1933г. он стал доктором наук и сотрудником Франкфуртского музея этнологии. С 1938г., после смерти Фробениуса Энзен возглавил Институт культурной морфологии, который не был закрыт в начале мировой войны только из-за поддержки ряда влиятельных лиц. В 1940г. работу Энзену запретили по политическим причинам, и всю войну он проходил воинскую службу, а в 1946г. возглавил кафедру этнологии во Франкфуртском университете.

Энзен был последовательным сторонником учения Фробениуса о культурных кругах и одновременно разделял некоторые идеи Венской школы. Он считал некорректным понятие «развивающиеся страны» и призывал изучать не отсталые «народы», которых уже нет, но современные «комплексные общества». В книге «Миф и культура у первобытных народов» Энзен утверждал, что все духовные свойства первобытного и современного человека одинаковы, и что нет разницы между цивилизованными и первобытными обществами. Несомненно,

взгляды ученого подверглись коррекции в политической атмосфере послевоенной Европы. Вероятно, поэтому его концепция в целом не выдержала испытания временем.

На рубеже 20-х и 30-х годов XX века старые школы и теоретические направления в этнологии окончательно распались или превращались во что-то иное. Одновременно оформлялись и набирали вес функциональное, социологическое и психологическое учения. Все они зародились на немецкой почве. Воздействовали на этот процесс труды крупного психолога и философа Вильгельма Вундта /1832-1920/, одного из основателей экспериментальной психологии, отводившего воле центральную роль в жизни людей. Его труды положили начало *этнопсихологии* и *народной психологии*, широко распространявшимся в Германии уже в 20-е годы, при национал-социализме и в измененном виде после войны.

Одним из первых обозначил проблему связи социологии и психологии с этнологией профессор Берлинского университета, известный социолог, историк культуры и психолог Адольф Фиркандт /1867-1953/. Докторскую диссертацию 1896 г. он посвятил исследованию «общественных культур» у первобытных и цивилизованных народов. Важнейшей целью Фиркандт считал выяснение закономерностей, лежащих в основе вариации культур во времени и пространстве.

Под влиянием этнопсихологии В. Вундта, разработанной на основе психологического истолкования мифов, религии и искусства, Фиркандт изучал законы «группы» и психологической интерпретации этнологической действительности. Он пробудил интерес к будущей этносоциологии у ряда крупных ученых, включая Вильгельма Мюльмана. Но большинство ученых постоянно критиковали Фиркандта за смешение методик различных наук. Сложные отношения возникли у него с нацистским руководством Берлинского университета, в котором он был с 1926г. ординарным /полным/ профессором и заведовал кафедрой этнологии. В результате его уволили со службы в 1935г., и лишь одиннадцать лет спустя он возобновил работу в Университете им. Гумбольдта /восточная зона Германии/.

А. Фиркандт внес определенный вклад в науку об обществе, но его обращение к этнологии привело к парадоксальным результатам. Этнология с внедрением в нее германской социологии превращалась в какую-то иную науку под прежним названием. Странники «социологического» направления стали рассматривать её как вспомогательную дисциплину. Так, в Берлинском университете этнология распалась на философско-историческую и естественно-научную дисциплины. При этом ее считали ветвью социологии и психологии. Усиливалось обращение к эмпиризму в ущерб теории. Такова была цена игнорирования расовой специфики и глубоких различий между этносами. Между тем, эти факторы имели вес с глубокой древности, которую большинство этнологов анализировали с расту-

щим сознанием тщетности усилий разобраться в гигантском нагромождении этнографического материала без прочно объединяющей идеи.

Обращение к социологии стало закономерным итогом этого казавшегося нескончаемым процесса, так как этнология получала возможность связать древнюю жизнь народов с их современным состоянием и, таким образом, выявить строгие закономерности процессов этногенеза. С другой стороны, тотальное погружение в современность несло опасность погружения в политически ориентированную атмосферу и перехода к описанию конъюнктурных этносоциальных проблем. К сожалению, после войны новые направления в целом пошли по второму пути.

Самой яркой фигурой среди сторонников социологического, психологического и функционального направлений в немецкой этнологии, появившихся в период между двумя мировыми войнами, был крупнейший ученый современности Рихард Турнвальд /1869-1954/. Он получил высшее образование в Австрии как специалист в области права, народного хозяйства и государственных наук /статистика, государственное управление, народоведение и география/. Турнвальд начинал работу в Берлинском музее этнологии под руководством фон Лушана. С социологией он познакомился на лекциях знаменитого австрийского профессора Людвиг Гумпловича /1838-1909/, противопоставлявшего теории классовой борьбы социальный дарвинизм и борьбу рас. Тогда же Турнвальд слушал лекции А. Фиркандта по психологии первобытных народов. С этого времени усилился его интерес к этнологии, окончательно определившийся во время музейных экспедиций в Океанию. В результате полевых исследований в странах Южных морей – колониях Германии он опубликовал несколько социологических работ. С 1923г. Турнвальд преподавал народную психологию в Берлинском университете. Через два года он основал получивший впоследствии интернациональную известность «Журнал народной психологии и социологии» /с 1951г. – «Sociologus»/. Участвуя до 1932г. во многих экспедициях, Турнвальд изучал влияние европейцев на туземное население. К 1939г. ученый выпустил 326 книг и статей /к концу жизни – более 400 публикаций/.

Связав этнологию с проблемами современности, Турнвальд провозгласил новое направление в науке – *этносоциологию*. Большое внимание он уделял этнопсихологии, а в работах 1910-12 гг. изложил основы *функционального метода* в этнологии, опередив известного антрополога Бронислава Малиновского, которого часто называют основоположником функционализма /об этом ниже/. Этнография служила ему материалом для разработки новой *функциональной этнологии*, рассматривающей функции общества, историю его развития и связанные с этим социально-психологические темы. В 1931-35гг. ученый опубликовал капитальный труд «Человеческое общество в его этносоциологических основах».

Вероятно, он был единственным, кроме Тилениуса, этнологом, соединявшим в то время биологическое мышление с социологическим и историческим. В 1915-17 гг. Турнвальд работал в американском университете Беркли. Взгляды ученого в целом сложились в 1920-х годах, но корректировались вплоть до 50-х годов.

К концу жизни Турнвальд резко критиковал входящие в моду конструкции абстрактных моделей культуры, а также эволюционизм и культурно-историческое учение за искусственные схемы общественного и культурного развития. Он возражал против однолинейных и однотипных рядов развития, считая, что существуют «вариационные тенденции», понимаемые им как сложение определенных «типов», изучение которых ученый считал важнейшей задачей этнологии.

Обладая бойцовскими качествами, Турнвальд никогда не был догматиком и внимательно прислушивался к мнению других исследователей, в том числе своих учеников. В отличие от деятелей культурно-исторической школы он говорил не о расплывчатом «изменении», а о развитии, и скептически относился к теориям «культурных кругов». Немалое значение имело то, что при анализе всех сторон жизни общества с использованием методик различных наук, Турнвальд изучал связанные с этим вопросы о расах и расовой гигиене.

Особое значение во всех работах ученый придавал роли личности – от семьи до самого крупного сообщества. «Предприятия, партии, движения часто зависят от свойств одной или нескольких руководящих личностей /Führerpersonalitäten/, и с исчезновением таких вождей часто исчезают и соответствующие социальные явления», – писал Турнвальд в работе «Общественное объединение как предпосылка и завершение», 1931г. Социальные процессы, считал ученый, идут не в нерасчлененных человеческих сообществах, а в составляющих его более мелких частях. Каждая группа объединяется вокруг отдельных личностей. Ведущую роль приобретают у Турнвальда «вожди». Роль вождя утверждается только вследствие длительного существования сообщества. При этом происходит процесс добровольного подчинения вождю, который дает первые руководящие идеи и первым совершает решающие поступки в политике, деловой жизни, искусстве и т.п.

«Вождевое начало», по Турнвальду, возникает не само по себе, а является следствием «кристаллизации», когда выделившиеся лица начинают выполнять определенные функции,

и происходит автоматическая самоорганизация группы. Масса людей нуждается в вождевом начале /Führertum/, а вожди – в массе. Турнвальд перечислял виды объединений: человеческие группировки /более или менее случайные/; терри-

ториальное объединение; «кристаллизация»; союзы, основанные на личных связях /семья, брак, дружба.../; – наконец, организация, занимающая особое место среди общественных объединений, ведущая независимую от личности, собственную жизнь. Она может расти и сокращаться, как, к примеру, государство. Изменение общественной организации является следствием возникновения оппозиции – естественной реакции против институализированного руководства. Но оппозиция может быть и кем-то организована. Пока противоречия невелики, организации «молода». С её «старением» люди стремятся сбросить оковы организации и вернуться к «естественному руководству». Турнвальд подчеркивал, что любое социальное объединение существует только как следствие взаимодействия масс и личности.

Ученый придавал особое значение в социальных процессах психическим элементам. В статье «Вожди и социальный отбор» /1933/ он писал, что при «социальном просеивании» выделяются две категории «ведущих личностей»: люди выдающейся одаренности – ученые, художники, мыслители, и другая категория – «политические вожди», обладающие большой жизненной силой, способностью к предвидению событий, имеющие желание взять на себя ответственность перед массами. Турнвальд рассматривал условия борьбы за власть, значение приверженцев вождя, резонанс, который получает личность вождя у масс, своеобразии ситуации, в которой он действует.

Для современной русской действительности эти мысли приобретают особое значение на фоне бесконечных схваток различных групп за преобладание в патристическом движении, тогда как ни одна из них не обладает необходимым волевым и интеллектуальным потенциалом для подлинного лидерства. Проблему эффективного руководства массами нельзя решить демократическим путем: с помощью договоров, соглашений и т.п. с разного рода «попутчиками». Решение приходит вместе с вождем Движения. Неизбежно наступает время избавления от попутчиков ради обретения единства и непререкаемой дисциплины, без которой невозможна успешная борьба за власть.

Выдвижение в процессе «социального просеивания» сходно с биологическими процессами, пояснял Турнвальд, приводя в пример движение населения в границах город – село; дворянство – третье сословие. Так как первые размножаются менее интенсивно, они обречены на вымирание. Таким образом, историю делают не изолированные личности или масса, а их комплекс. Руководство и просеивание – совместные проявления общественных процессов.

Рихард Турнвальд занимался также теоретическими проблемами социологии. В его исследованиях, посвященных внеевропейским народам, особое место занимали колониальные проблемы. В статье «Реалистическая социология» он ука-

зывает, что решение важных жизненных проблем определяется воздействием на «внеевропейские и внеамериканские расы» процессов в развитых странах. Это создает для малоразвитых рас особо трудную ситуацию, так как они не принимали участия в судьбах западных народов, чьи изобретения и открытия содержат для них нечто чуждое в мировоззрении и социальной жизни. Заимствования в технике и знаниях «отягчают» чуждые им явления: христианство, индивидуализм, европейское и североамериканское искусство и т.п. В результате эти идеи не воспринимаются народами, на которые оказывается европейское влияние. Это приводит не только к бесконечным недоразумениям, но к необходимости полного изменения внеевропейской культуры, что сопровождается волнениями и возрастанием вражды к Западу.

Турнвальд первым назвал африканские общества научно-корректным термином «традиционные» и ввел понятие «негритюда», принятое научным сообществом для обозначения комплекса этических воззрений «чёрных» народов Африки. В статье 1939г., посвященной проблемам колониальной организации, ученый писал о потребностях Германии в африканском сырье. Изучая эффективное использование рабочей силы африканцев, он советовал применять суровые меры, которые «туземец, если он их заслужил, воспринимает без злости». Однако ученый открыто не противопоставлял «черных» и «белых», рекомендуя рассматривать их «совместно».

«Функциональную социологию», учитывающую быстро происходящие изменения Турнвальд противопоставил «практической социологии», занятой бесперспективным накоплением фактов. Это позволило ученому сделать ряд важных прогнозов. Его оценки факторов, воздействующих сегодня на социальные процессы в странах третьего мира, и некоторых республиках, входивших в Советский Союз, оказались во многом справедливыми. В 1931г. /!/ ученый сделал точный прогноз о том, что с уходом европейцев из Африки там вновь вспыхнут племенная вражда и войны. А на место европейцев придут «индийцы и японцы». Выводы Турнвальда приобрели особую остроту в связи с незнакомым в его время явлением фактической колонизации европейских государств «развивающимися» и уже достаточно развившимися странами. Этот процесс к концу XX века перешел в критическую стадию, поставив под угрозу существование европейской цивилизации.

Гибкое мышление позволяло ученому избегать крайностей в расовых вопросах указанием на воздействие психологических и социальных факторов при формировании наследственных биологических признаков. Турнвальд различал «потенции» как следствие биологической наследственности, и «возможности» /свойства/, возникающие во взаимодействии с окружающей средой. Теоретические взгляды значительно более позднего времени предвосхитило его раннее

определение этноса: «Группа, чьи особенности не определяются исключительно расово-конституционными и культурно-духовными явлениями, и не может быть объяснена из собственного существования, но которая обладает неповторимыми чертами и своей судьбой, может быть названа этнической общностью». Здесь названы главные факторы расообразования и свойства этносов в их отличии от расы, как качественно чистого образования.

В трудах позднейших, особенно немецких исследователей, отразилась мысль Турнвальда о том, что при преобладании одной культуры над другой образуются отношения господства, и то же происходит в отдельных группах, где возникают аристократы и зависимые. Когда зависимые отдают произведенный ими продукт аристократам, а те распределяют его среди зависимых, происходит взаимопроникновение культур в общественных слоях. Такие объединительные процессы между представителями этнических слоев приводят к образованию государства, утверждал Турнвальд. При всей спорности этой мысли ученый в тактичной форме проводил идею о неравноправности этносов в сложных общественных процессах.

После 1933г. Рихард Турнвальд отдал дань геополитическим доктринам немецкого национализма, сложившимся задолго до возникновения Третьего Рейха. «Особые трудности в преобразовании общественной жизни у немцев являются следствием...недостатка жизненного пространства и трудного географического положения», – писал он. Известны работы Турнвальда по вопросам расовой гигиены. Однако его мысль о равенстве психологии и умственных возможностей у первобытных и цивилизованных народов противоречила позициям национал-социалистической расовой науки. Поэтому он подвергался нападкам со стороны официально ориентированных ученых, /например, известного американиста Вальтера Крикеберга/, на которые Турнвальд отвечал в агрессивном тоне, предъявляя встречные обвинения /по поводу еврейских корней или научных связей своих оппонентов и т.п./.

Деятельность Рихарда Турнвальда в 30-е – 40-е годы не поддается упрощенным оценкам. Он был крупной научной фигурой с мировым весом, родоначальником ряда перспективных научных направлений, автором многочисленных публикаций в самых разных областях социологии, этнологии, психологии, сравнительной истории права и ряда других дисциплин. До конца войны Турнвальд работал в Берлинском университете, а в 1946г. был приглашен в качестве ординарного профессора в Университет им. Гумбольдта, где читал лекции на темы «О примитивном мышлении» и «Социальное развитие», и стал действительным членом Академии Наук в Восточном Берлине.

Однако его усилия основать Институт социальной психологии и этнологии не привели к успеху, и тогда Турнвальд создал «институт» в собственной квартире. Там он читал лекции и предоставил возможность студентам пользоваться его обширной библиотекой. Затем обострились его отношения с восточноберлинскими властями, так как ученый вел исследования на средства американской администрации. В 1948г. Турнвальд перешел в Свободный университет Западного Берлина, где преподавал до самой смерти в 1954 году. За три года до смерти он стал издателем журнала «Социологус», который впоследствии возглавила его жена.

Одним из наиболее известных последователей Рихарда Турнвальда, сторонником функционального, социологического и психологического направлений был Вильгельм Мюльман /1904-88/, «корифей немецкой расологии», как его характеризует видный российский расолог [В.Б. Авдеев](#). Мюльман начал научную работу в Берлинском университете под руководством Р. Турнвальда. Уже тогда он уделял много внимания биологическим проблемам в связи с расовой психологией и расовым отбором. С 1928г. Мюльман опубликовал несколько работ, близких по духу позициям национал-социалистов. После их прихода к власти эта тема еще чаще звучала в его публикациях. В 1937г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Образование государственных и общественных структур в Океании» и через два года был утвержден доцентом философского факультета по этнологии и народной психологии. С начала 30-х годов ученый вел напряженную научную и педагогическую деятельность, до окончания мировой

войны интенсивно работая в Берлинском университете. С 1939г. Мюльман состоял в НСДАП, но комплекс его политических взглядов сложился задолго до этого.

В книге «Война и мир» он поддержал агрессивную политику Германии в Европе, призвав поставить науку о народах на службу национал-социалистической пропаганде. Хотя книга вышла в 1940г., однако задумана была, по словам ученого, двумя годами раньше. Мюльман писал: «Положение таково, что мы не можем успокоиться на гарантированном от опасности территориальном и духовном владении. Более того, мы находимся в духовном и хозяйственном состоянии противоборства с силами, которые не хотят оставить нам завоеванные нами формы жизни и стремятся их разрушить. Эта атака по своим последствиям направлена вообще против немецкой культуры. Для того чтобы избежать вооруженной борьбы, следует как можно сильнее вооружаться. Это вооружение не может, однако, ограничиваться во время тотальной войны техническим вооружением,...оно лежит в равной степени в областях хозяйства и духа. В этом смысле политическое укрепление народа составляет проблему образования. Дух истины должен прививаться еще в школе, а не только начиная с казармы».

Мюльман возвел в историческую закономерность смену периодов войны и мира: «Закономерность эта лежит в своей основе в разнообразии народов, стремящихся к самоутверждению и разграничению... Вследствие этого война неизбежна, и народ должен иметь установку на войну».

В статье «Расово-душевная поляризация в Европе» Мюльман объяснил «существование воинственных и дисциплинированных народов принадлежностью к расе, которая благодаря отбору, /прежде всего, войной/, способна к более высоким действиям, чем другие расы, и составляет основу высокоорганизованных государств Европы». Преследование евреев ученый объяснял необходимостью «народной самопомощи... против внутригосударственных групп, которые этнически, культурно или хозяйственно невыносимы и не растворяются в расовом отношении». В 1944г. вышла книга Мюльмана «Народы земли» с восхвалением «немецкой сущности» и войны. Славяне, евреи и римляне, /переродившиеся в результате длительного азиатского воздействия/, объявлялись неполноценными народами. Евреи названы «фиктивным народом» – главным элементом паразитизма в мире». В 1939-44гг. Мюльман читал лекции и вел семинары на военно-этнологические темы с задачей научно обосновать немецкое преобладание в Европе и большей части Азии.

Ученый предложил внушительную версию миграции народов, согласно которой древнейшее расселение индоариев на востоке достигло Полинезии. Следы ведической культуры присутствуют в Океании и на самых далеких островах Тихого океана. Европеоидная раса распространилась из Индии по всему этому обширному региону, образовав здесь высший аристократический строй, и до сих пор сохранив в окружении чернокожего населения многие характерные черты исходного психотипа и физического строения.

К концу 30-х годов Вильгельм Мюльман стал видной фигурой в немецкой этнологии и считался одним из наиболее лояльных режиму ученых, став членом «Немецкого антропологического общества» и «Немецкого общества расовой гигиены». Однако его научная деятельность, выходящая за пределы официальных установок национал-социалистической пропаганды, вызывала подозрение. Ректор Берлинского университета, видный антрополог и геополитик Ойген Фишер и близкие к нему университетские профессора, имея в виду Р. Турнвальда и Мюльмана, заявляли, что «социологии по западному образцу пришел в Германии конец».

Научные взгляды В. Мюльмана полно отразились в книге «Методика этнологии» /1938/. В ней он назвал задачей этнологии изучение «этноса», его истории и культуры. Следовало изучать не только первобытных бесписьменных народов, но всё население земли. Этнологию, которая рассматривает человека как исто-

рическое, социальное и биологическое явление, и включает в свой предмет расоведение, Мюльман назвал «наукой о функциях и структурах взаимосвязей человека с его исторической и окружающей средой». Ёмкие определения выделяли ученого из круга эмпирически ориентированных этнологов, избегающих ответственных теоретических обобщений. Он был против определения древних народов как «примитивных» и «диких», советуя называть народы с низким культурным уровнем «естественными» или «первобытными», не противопоставляя их «культурным народам». Все народы, утверждал Мюльман, имеют свою историю и культуру. Ученый был против «европоцентризма», пока история не раскрыла до конца тайну межконтинентальных миграций народов. Этот фактор неопределенности игнорировали представители официальных научных структур Третьего Рейха, подозревавшие этнологическую науку в разного рода ересьях.

Заслуживает серьезного внимания теория этноса у Мюльмана, при изучении которого, считал ученый, следует исходить из первичности социальных и вторичности культурных функций. Этнос он называл «третичной» функцией. Но, в конечном счете, писал Мюльман, этнология – не наука о социальных явлениях и культуре, а наука о народах – этносах. Это с виду само собой разумеющееся определение, не обрело до Мюльмана широкого признания среди этнологов из-за их опасения вступить на спорную почву расово-этнических предпочтений. Над учеными довлела репутация этнологии как простого систематизатора этнографического материала. Однако изучение этноса, считал Мюльман, должно начинаться с исследования общества и культуры. Этот «обратный» ход анализа /от исторических достижений народа к его древнему состоянию/ заключал в себе богатые теоретические возможности.

В. Мюльман хорошо знал работы русского ученого С.М. Широкогорова по проблемам этноса и психоментальности, оказавших существенное воздействие на возникновение в СССР, а позднее в России этнопсихологии. Он выражал полное согласие с мнением Широкогорова о неразрывной связи культуры с этносом, цитируя его определение этноса как «группы с более или менее общим культурным комплексом, общим языком, общим представлением о происхождении, общим сознанием и эндогамной практикой». У Широкогорова Мюльман заимствовал понятие «межэтнического давления» /крупных этносов на слабые/, творчески переосмыслив его впоследствии для построения самостоятельной гипотезы о закономерностях межэтнических отношений.

В этой связи Мюльман уделил значительное внимание проблеме этнической дифференциации, которую он считал важной закономерностью этнических процессов. Целый раздел его книги «Methodik der Völkerkunde» отведен расовой проблематике. «Все наши представления об этнической дифференциации основываются на существующих между людьми наследственных расовых различиях».

ях», – писал Мюльман. В более ранней работе «Расы и этнология», 1936г. ученый дал определение расы как «группы людей, имеющие общие духовные и физиологические признаки, складывающиеся и поддерживающиеся их общностью в ходе отбора». Мюльман указывал на прямую связь между физическими и духовными чертами: «Раса выступает как направляющее явление, т.е. как расовое самосознание и расовое чувство. В этом отношении она – важнейший фактор при образовании и укреплении этноса, так как для этноса характерна вера его членов в общее происхождение».

Наряду с вопросами расоведения и расовой гигиены Мюльман разрабатывал проблему социального отбора. Он понимал его в духе турнвальдского «процессивания», в результате которого выявляются вожди, затем менее выдающиеся личности и далее, вплоть до безличной массы, безоговорочно следующей за большими и малыми вождями. Мюльман критиковал попытки ряда ученых объяснить индивидуальную и народную психологию только воздействием внешней среды, без учета расовых особенностей. В 1938г. ученый писал о «неполноценности восточных рас» и осуждал «латинскую расу» «за отсутствие естественного и инстинктивного отграничения «цветных». Он утверждал, что «расовую проблему определяет нордическая раса – ведущая сила в мире, причем нордическая народность сильнее цивилизации». Еще раньше, в 1933г. Мюльман опубликовал статью «Гитлеровское движение. К критике буржуазной культуры». Кризису западной культуры и капиталистической идеологии он противопоставлял цели национал-социализма, «решающего задачу создания для пролетариата условий жизни буржуазии» и утверждал, что «национал-социалистическое движение выходит за рамки национальных границ, так как всюду происходит кризис и вымирание интеллектуально ведущих семейств».

В книге «Расы и этнология» Мюльман ввел в более широкий контекст проблему колониализма. Он писал: «Национал-социализм родственнее любому народному освободительному движению, чем империализму /подразумевались главным образом Англия и США – И.Б/. Народная мысль противопоставляет себя империализму». И далее: «Мы хотим вести национал-социалистическую колониальную политику /Volkstumspolitik/ на основе признания ценностей каждой развитой культуры». В этом же духе высказывался Фриц Краузе: «Наш немецкий вождь Адольф Гитлер всегда подчеркивал признание своеобразия народов и форм их жизни, что является основой этнологической работы». Кроме Турнвальда и Мюльмана проблемами функциональной этнологии занимались немногие ученые. Например, председатель Немецкого общества этнологии Ф. Краузе и Вольфганг Мильке. Но в теоретическом плане они немного добавили к внушительному наследию этих крупных ученых. Несмотря на лояльность Вильгельма Мюльмана и его коллег национал-социалистическому государству, руководящие структуры считали функционализм противоречащим идеологии Третьего Рейха

из-за снисходительного отношения большинства ученых этого направления к древним народам, без подчеркнутого выделения ими нордического субстрата.

Ряд видных этнологов безотносительно к их политической ориентации не следовали каким-либо школам или направлениям. Известный геттингенский профессор Ганс Плишке /1890-1972/ наряду с океанистикой занимался изучением истории европейской культуры и рядом других проблем. Он называл объектом исследования этнологии культуры отдельных народов и человечества в целом, пытаясь создать «универсальный облик этнологии», для которой видел особую опасность в распадении на «школы». Плишке был известен активными связями с партийными функционерами. Никогда не присоединялся ни к одной школе крупный немецкий этнолог, профессор Берлинского университета, член НСДАП Конрад-Теодор Преусс /1869-1938/. Он специализировался на духовной культуре народов Латинской Америки и стран Южных морей. Преусс также возглавлял Берлинский музей этнологии. За научные заслуги его избрали членом многих научных обществ. Он был автором солидного учебника по этнологии /1937/.

Ученые, занимавшиеся преимущественно полевыми исследованиями и публикацией эмпирических материалов, чаще всего избегали политической ангажированности. Даже близкий к национал-социализму В. Крикеберг не проводил в своих исследованиях расистских идей. Неудивительно, что исследования большинства этнологов воспринимались руководством государства с подозрением. Традиционная этнология, в отличие от *социальной этнологии*, расовой гигиены и народной психологии не пользовалась тогда в Германии официальной поддержкой.

В послевоенной этнологии условно могут быть выделены два периода: от конца войны до середины 60-х годов и последующие десятилетия до конца XX века. Различия между ними заметны, главным образом, по отношению к внедряемой в европейский мир *американской культурной антропологии*. Последствия Второй мировой войны были драматичны для этнологии. Многие научные и учебные заведения лежали в руинах. Часть музейных коллекций погибла, была вывезена в страны-победительницы или расхищена. Многие ученые не вернулись с войны или находились в плену в первые годы после ее завершения. В конце войны почти полностью прекратились этнологические публикации, перестали выходить журналы. Связи немецких и австрийских этнологов с зарубежными исследовательскими центрами и учеными оказались почти прерваны. Не хватало средств для научной работы и полевых исследований.

Медленно, со многими трудностями начался выход науки из застоя. Трудно протекал этот процесс в западных оккупационных зонах Германии, где осуществлялась «денацификация». В связи с ней поставили под сомнение правомерность

самого существования в стране этнологии /*Völkerkunde*/, хотя не так категорично, как по отношению к народоведению /*Volkskunde*/. Ряд немецких этнологов обвинили в сотрудничестве с национал-социалистами. Некоторые лишились руководящих должностей, увольнялись из университетов и музеев. Дискуссии, направленные на преодоление в этнологии идей, связанных с эпохой национал-социализма, начались в 1946г. но вскоре были прекращены, лишь обострив противоречия в научной среде. Критика этого периода возобновилась в последние два десятилетия прошлого века. С меньшими проблемами столкнулось возрождение этнологии в Австрии, и особенно в восточной зоне оккупации, где денацификация практически не проводилась /!/.

По мере возрождения этнологических центров в немецкоязычных странах особое значение приобретали связи с соответствующими инстанциями оккупационных держав и зарубежными исследователями, оказывавшими материальную и моральную поддержку немецкой этнологии, /разумеется, на своих условиях!/. Это проявилось в почти вынужденном усилении позиций *англо-американской социальной и культурной антропологии*, теснившей традиционные немецкие теоретические установки. Следует иметь в виду, что эти учения сложились в свое время в самой Германии, но были «импортированы» за ее пределы персонами вроде осевшего в США Франца Боаса. Этот не имевший собственных идей ученый стал впоследствии одним из главных проповедников так называемого «мультикультурализма», – антинаучного политического течения, задавшегося целью смешать несоединимые культуры в одном «плавильном котле». Многие здравые идеи немецких этнологов из области антропологии были заимствованы, переосмыслены и приобрели политизированный характер в англосаксонском варианте.

Большая часть публикуемых трудов посвящалась этнографическому описанию культуры и быта различных заморских народов, и лишь в отдельных публикациях рассматривались проблемы теории, в то время как ведущие этнологи недавнего прошлого, /например Герман Тримборн/, пытались придать обобщающий характер этнологическим исследованиям.

С 1960-х годов значительное внимание стало уделяться развивающимся странам. Но будущему этнологии угрожало снижение качества и принижение значения теоретической подготовки и общих знаний, традиционно игравших в немецкой этнологии роль фундамента, с которого начиналось введение молодежи в науку. Стала преобладать точка зрения о необходимости узкой специализации и о полевой работе, как главных видах деятельности этнолога. Так формировался невидимый фронт наступления на теорию, дороже обошедшийся этнологии, чем «мрачные годы нацизма», когда, несмотря на идеологические помехи, ряд крупных этнологов вносил серьезный вклад в свою науку.

В начале 50-х годов началось оформление новых и оживление старых /часто под новыми названиями/ этнологических организаций и периодических изданий. В 1951г. возникло Немецкое исследовательское общество /«Deutsche Forschungsgemeinschaft» – DFG/ под американской опекой, которое исследований не вело /!/, но финансировало научные проекты, создавая возможность для поездок этнологов за рубеж и организации экспедиций. С 1950г. возобновил выпуски «Этнологический журнал», прекративший деятельность в Берлине в 1944г. Этнологические журналы начали выходить при Берлинском, Штутгартском, Кёльнском и Гамбургском музеях. В 1951г. возобновил издание «Журнал народной психологии» под новым названием «Социологус», издававшийся, как и в довоенное время Р. Турнвальдом. Во введении к первому послевоенному номеру Турнвальд отметил интернациональный характер журнала и тематическое расширение с включением сюжетов, связанных с «первобытными» и «экзотическими» народами. Особое внимание следовало уделять психологии «примитивного мышления». Продолжал выходить журнал Венской культурно-исторической школы «Антропос» и пр.

В 1952-53гг. несколько групп этнологов попытались преодолеть разобщенность университетов, направив исследования в одно русло, и подали заявку в DFG на выполнение «Первоочередной программы». Программа предусматривала проведение научных исследований на двух направлениях: в связи с культурно-исторической классификацией пастушеских народов на основе их отношений с «низшими» и «высшими» земледельческими народами и «изучение собирателей, относящихся к древнейшему этапу в развитии культуры». Но это предложение не вызвало энтузиазма у руководителей DFG, также как и выдвинутая Г. Тримборном программа по изучению ранних форм собственности. Обе серьезные научные инициативы не совпадали с курсом на раздробление теоретического фундамента этнологии, принятым надзорными инстанциями западных оккупационных властей.

Возрождение этнологии и этнографии началось в Восточной Германии, особенно после провозглашения в 1949г. ГДР. В отличие от Западной Германии там вплоть до воссоединения страны этнология не претерпевала особых изменений. Формально считаясь марксистской, она на деле продолжала стоять на позициях, традиционных для немецкой науки. Главными научными центрами этнологии были Лейпцигский и Дрезденский музеи. Преподавание этой науки велось в университетах Берлина и Лейпцига, /преобладала подготовка по народоведению/.

Историографы немецкой этнологии описывали различные течения в науке в основном довоенного времени, осторожно касаясь периода национал-социализма /З. Вестфаль-Хелльбуш, Рейнхардт Голль.../. Известный этнолог Хуго Бернатцик,

профессор университета в Граце, во времена Третьего Рейха занимавшийся проблемами колониализма, в выпущенном им сборнике «Новая большая этнология» был более категоричен. Удивительно, что в 1955г. могли быть опубликованы расово окрашенные взгляды, которые, впрочем, нелегко опровергнуть: «Не один народ не может заимствовать и воспринять культурное богатство, если оно не соответствует его наследственности. Наследственно-биологическое обусловлено расово и различно у разных народов. Миссионеры и многие политики ошибочно полагали, что можно, невзирая на биологическую наследственность, изменить народ путем воспитания и перемены жизненных условий. Ошибочность этой точки зрения ярко видна на примере пигмеев, бушменов, негритосов /не путать с неграми! – И.Б./. Еще никому не удалось представителя этих народов превратить в полезного члена человеческого общества. Поэтому основа этнологии – биология наследственности».

Ясно выражал взгляды Бернатцик, определяя сущность этнологии и ее задачи. Он писал: «Этнология – наука, которая исследует проявление жизнедеятельности народов, главным образом, первобытных». Распадается она, по его мнению, на две главные дисциплины. Одна – «теоретически-гуманитарное направление, с одной стороны, тесно связанное с историей первобытного общества, а, с другой, – с общественными науками... При этом в задачи исследования входит установление и объяснения культурно-исторических связей по племени и расе, вплоть до новейших времен. Другая дисциплина – естественнонаучное направление, основанное на изучении биологической наследственности, антропологии и психологии. По существу, это расовая биология чужих народов. Задача – наблюдение и установление закономерности». Эти определения, в отличие от эклектических рассуждений большинства послевоенных историографов этнологии /К. Этмара, Р. Шотта, В. Конрада.../, опирались на солидный антропологический и этнографический материал. Однако взгляды Бернатцика оказались исключением не только для своего времени. Туманные, обтекаемые формулировки в этнологии стали правилом на десятилетия, вплоть до наших дней.

Робкую попытку отстоять самостоятельность своей науки сделал Шотт в работе «Задачи немецкой этнологии сегодня», 1981г. Он критиковал интернационализацию антропологии, маскирующую свое научное бессилие бесконечными публикациями о конфликтах, действительных или мнимых этнических процессах и политических структурах. Шотт осуждал «эклектические заимствования иностранных теорий» и призывал не забывать отечественные традиции.

Многие германские и австрийские ученые относили себя после 1945г., как и до войны, к «историческому направлению», но каждый понимал «историчность» по-своему. Никакого единообразия по методологическим и методическим установкам по-прежнему не было. Продолжала действовать *Венская культурно-*

историческая школа. Ее основатель В. Шмидт пытался выявить последовательность возникновения и функционирования культур. Это и называлось «историческим подходом», хотя произвольное конструирование культурных кругов не имело ничего общего с историзмом. В середине 50-х годов Шмидт продолжал исследования по индогерманской проблеме, начатые в работе «Расы и народы в преьдистории и истории Запада», 1946-49гг. Задавшись целью проследить этногенез индогерманцев и выяснить характер их культуры, он без серьезных оснований отверг гипотезу об автохтонном происхождении индогерманцев на севере Европы и присоединился к «восточной гипотезе» – об их приходе в Европу с востока или юго-востока. Шмидт сопровождал свои изыскания материалами сомнительной достоверности, что отмечали многие этнологи, включая его учеников. Ученый отверг предположение, что все высокие культуры произошли от индогерманской расы, солидаризируясь с мнением своего последователя В. Копперса, также, по мнению экспертов, нередко использовавшего неподтвержденные этнографические данные. Преемник В. Шмидта по руководству Культурно-исторической школы Йозеф Геккель /1907-73/ занимался схоластическим переосмыслением учения о «культурных кругах», не оставив серьезных теоретических обобщений.

Исторического направления, не связанного с Культурно-исторической школой и подчас враждебному ей придерживались видные этнологи: Г. Бауманн, К. Диттмер, Г. Тримборн, В. Хиршберг... Один из них – руководитель Института им. Фробениуса в 60-х годах К.-Л. Шмитц считал схему культурных кругов Шмидта и Копперса гигантским универсальным строением, не отвечавшим реальности. На достаточно высоком теоретическом уровне работали после войны – африканист Бауманн и американисты Хиршберг и Тримборн, приобретшие солидный научный багаж до 1945 года.

В духе *культурно-морфологического направления* продолжал работать ученик Лео Фробениуса, унаследовавший от него руководство Институтом культурной морфологии, Адольф Ензен /1899-1965/. С 1946г. он возглавлял кафедру этнологии Франкфуртского университета. Это направление характеризовал интерес к явлениям духовной культуры и критика школы В. Шмидта. Сам Ензен занимался историей религии и общей этнологией. Ученый призывал эмпирически изучать современные «комплексные общества, так как отсталых народов, по его мнению, не осталось.

В послевоенное время в Германии и Австрии постепенно распространялись идеи *культурной антропологии* на фоне «социологизации» этнологии, а также в связи с идеями этносоциологии и других модных тогда учений. Культурная антропология включала в свой комплекс все эти учения. Разработку и распространение в первые годы после войны получили в этнологии так называемые «социологиче-

ское», «психологическое», отчасти «функциональное» направления, связанные, прежде всего, с именем Рихарда Турнвальда. Такого рода научная ориентация Турнвальда объяснялась тем, что многие годы он провел в Америке, читая там лекции и занимаясь научной работой. Восприняв многие положения американской культурной антропологии, он, как и некоторые его ученики, пропагандировал её в Германии. Тогда большинство этнологов оспаривали теоретические взгляды Турнвальда, полагая, что он превращает свою науку в придаток социологии. Это было ошибочным упрощением, поскольку как раз *этносоциология* Турнвальда повышала значение традиционной этнологии, вводя ее в контакт с науками об обществе, что открывало перед этнологией перспективы перехода к углубленным теоретическим исследованиям. Здесь, правда, крылась опасность избыточного политизирования научных выводов, что со временем и подорвало научный авторитет американской культурной антропологии.

После переезда в 1948г. по политическим мотивам из Восточного Берлина в Западный Турнвальд, приспособившись к новой атмосфере, приглушил остроту выводов в своих работах. Но огромный опыт и фундаментальные теоретические знания позволяли ему высказываться достаточно определенно. В капитальном исследовании «Структура и содержание науки о народах» /1947-48/ ученый определял этнографию как ветвь науки, призванную описывать народы, а этнологию, как обобщающую науку. Турнвальд придавал этнологии огромное практическое значение, особенно с германской «национальной» точки зрения. В этом труде он высказал ряд глубоких мыслей и развивал свои прошлые идеи. Касаясь истории семьи, Турнвальд утверждал, что всё в семье всегда определялось мужчиной, тогда как «материнское господство» /матриархат/ и подобные институты недоказуемы. В настоящее время эту точку зрения разделяет подавляющее большинство ученых. Основательны суждения ученого о государстве, которое представляет собой нечто большее, чем «суверенность». Государство, по Турнвальду, – группа организованных людей, связи между которыми лежат *над* родством, лежащим в основании государства. Там, где этот принцип полностью не соблюдался, существовали «предгосударственные образования», в которых еще не господствовал «этнический принцип».

В работе 1966г. Турнвальд обратился к предложенной им еще в молодости проблеме *аккультурации* и к анализу культурного механизма. Обе темы составляли важную часть теоретического наследия ученого и сохранили значение до наших дней. Определяя аккультурацию как приспособление к новым условиям жизни, в том числе при миграциях в новые природно-климатические условия, Турнвальд описал многообразные следствия этого процесса, подтвержденные будущими событиями. Он привел в пример введение в Африке европейских денег, что повело к жажде наживы, конкуренции, изменению семейной структуры и т.п.

Анализируя «культурный механизм», ученый сформулировал «немецкое» понимание функционализма, внося в него исторический взгляд. Он писал о «круговращении культуры, действующих при этом силах и ритме». Механизм общества может действовать, утверждал ученый, только когда он настроен на функции каждого его члена, а функции регулируются общепринятыми нормами /*Verhaltensmuster*/, вырабатываемыми в ходе подражания авторитетным индивидам. Турнвальд отмечал, что каждая культура проходит в своем развитии стабильные «фазы». Переход от стабильности к новой фазе составляет ритм культуры, в которой времена романтики и чувств сменяются эпохами рационализма и интеллектуализма. Ход человеческой цивилизации ученый рассматривал как процесс смены периодов «помех» и «потерь» в культуре временами, когда «вновь приобреталось и наступало равновесие», выделяя роль техники, как измерителя степени господства над природой.

Уже после кончины Р. Турнвальда его жена Хильда Турнвальд издала в 1957г. сборник статей мужа. Они детализировали идеи Турнвальда, представленные в его капитальных трудах. Но в поздних статьях содержались и новые акценты. Так, Турнвальд писал, что «только столкновение различных людей и культур приводит к политическим и социальным новообразованиям». Подвергнуть сомнению это положение легче, чем предложить что-то иное. Представляют теоретический интерес слова ученого о том, что «брачные нормы /экзогамия и эндогамия/...имели большой расообразующий и типобразующий эффект. Его следствие – невероятное множество локальных типов у первобытных народов». Обращаясь к «историзму», Турнвальд признавал факт исторического прогресса лишь в области накопления знаний, не касаясь такого сомнительного явления, как социальный прогресс.

После смерти ученого осталось значительное неопубликованное научное наследие, которое Хильда Турнвальд не решилась издать самостоятельно и искала нужных людей для обработки рукописей. Наконец, они были отправлены в Новую Гвинею, откуда поступило предложение. Злоключения Рихарда Турнвальда продолжались и после смерти. Рукописи исчезли, как и могила ученого /!/. Классик американской культурной антропологии Роберт Лоуи писал: «Со смертью Турнвальда этнология потеряла одного из наиболее продуктивных и многосторонних ученых». Это мнение разделило большинство видных ученых всех направлений в этнологии.

К числу учеников и последователей Р. Турнвальда принадлежала профессор Зигрид Вестфаль-Хелльбуш /1918-84/. После обучения в Берлинском университете она защитила докторскую диссертацию по философии и стала сотрудником Берлинского музея этнологии. С началом Второй мировой войны Вестфаль-Хелльбуш работала в музейном хранилище с этнографическими коллекциями,

используя студентов и военнопленных. С 1947г. преподавала этнологию в Университете им. Гумбольдта, а с 1952г. исполняла обязанности директора Института этнологии и стала членом Немецкой Академии Наук в Восточном Берлине, но из-за антикоммунистических убеждений вскоре переехала в Западный Берлин. С 1964г. Вестфаль-Хелльбуш возглавила кафедру этнологии в Свободном университете. Экспедиционные поездки в 50-х годах обозначили круг её научных интересов: Ирак, Пакистан, Турция, Марокко, Иран. Она ориентировала студентов и аспирантов Института на изучение кочевых скотоводческих народов Западной и Центральной Азии.

В сотне её публикаций отразилось разнообразие региональной специфики. Вестфаль-Хелльбуш интересовали страны и народы от Австралии и Океании до Северной Африки и Западной Азии. Она исследовала «формы жизни» населения и занималась проблемами культурной антропологии. Упор на регионы, где зарождались высокие цивилизации, свидетельствовал о намерении придать должную теоретическую глубину своим изысканиям. Но в конце 60-х годов, во время студенческих волнений Вестфаль-Хелльбуш, как «реакционному профессору», пришлось покинуть университет и вернуться в Музей этнологии. Здесь она исследовала процессы аккультурации на примерах столкновений западных и не западных культур. Однако научная атмосфера в Западном Берлине не способствовала углублению научных планов. В результате Вестфаль-Хелльбуш ограничила свои интересы прикладной этнологией, которая, по ее словам, имела «не научные, а практические цели» /!/. Теперь она выступала против теоретических исследований, ратуя, главным образом, за ведение полевых работ и отвергала проблему «развития» /только «изменения»/.

Продолжал научную деятельность Вильгельм Мюльман. С 1950 по 1960г. он работал в университете Майнца. Его избрали руководителем секции этносоциологии в Немецком обществе социологии, где собралась молодежь. С 1960г. Мюльман возглавлял созданный им же учебный и исследовательский Институт этнологии. Через три года начались нападки на ученого за деятельность в период национал-социализма. Газета «Die Zeit» обвинила его в пропаганде расизма в тот период. Развернулась дискуссия, в которой критиковались работы Мюльмана «Расоведение и культура» /1936/ и «Война и мир» /1940/. К тому же, во время студенческих беспорядков он также был назван «реакционным профессором». Эти события тяжело отразились на положении и здоровье ученого, заставив в 1970г. преждевременно выйти на пенсию.

Научное наследие В. Мюльмана в послевоенное время его коллеги оценивают как многообразное и значительное. Вместе с тем оно внутренне противоречиво и во многом основывалось на его прежних взглядах, хотя подверглось изменениям и отказу от неприемлемых теперь установок. Будучи более крупной фигу-

рой, чем Вестфаль-Хелльбуш, Мюльман сдавал свои позиции с бóльшим отрицательным эффектом для науки и для себя лично. Он искал контактов с представителями американской культурной антропологии и все чаще обращался к проблемам этносоциологии и аккультурации развивающихся стран. Многие опубликованные Мюльманом после войны солидные статьи и монографии уже издавались в предвоенное и военное время. Подвергшись некоторой переработке, они приобрели популярность среди молодых ученых, ориентировавшихся на новые веяния, идущие из Америки.

В сборнике «Культурная антропология» под редакцией Мюльмана и В. Мюллера противопоставлялась культурная антропология в континентальной Европе и в англо-саксонских странах, где она понималась как дисциплина, стремящаяся к эмпирическому плюрализму. Этнография, по мнению авторов, должна исследовать маргинальные общества носителей бесписьменной культуры /*Natürvölker*/. Отмечалась важность для этнографических данных европейского народоведения. – Это была попытка восстановить в новом виде науку, скомпрометированную в глазах либеральных ученых в прошлый период германской истории. Этнологию авторы понимали как социологическую дисциплину, занимающуюся межэтническими связями и системами. Вся эта внешне солидная конструкция подрывалась уступками политизированным аспектам американской культурной антропологии, с целью получить её одобрение и поддержку. На этом пути этнология теряла самостоятельное научное значение.

Постепенно, в течение десятилетий такого рода установки восприняли многие этнологи, обращавшие ищущие взгляды на Америку. В результате этнология отказалась от исследования фундаментальных теоретических проблем. В науке увеличилось число людей, не получивших специального социологического или этнологического образования. Началась погоня за «актуальностью» в надежде найти деньги для околонучной деятельности. Вместо серьезных методических полевых исследований распространилось предвзятое и не объективное анкетирование. Мюльман, однако, предостерегал в сборнике от дилетантизма и возникновения проблемы «новой науки», становящейся «гешефтом», которым легче кормиться, чем мышление и исследованием».

В разделе «Программа культурной антропологии» ученый определил эту дисциплину как занимающуюся *эмпирическим плюрализмом культур*. «Культурно-антропологическая оценка невозможна с абсолютной точки зрения», – утверждал Мюльман. – «Она начинается с отказа от само собой разумеющейся оценки собственной культуры. Обязателен отказ от всякой предвзятости, что «хорошо», а что «плохо». Таким образом, все оценки культурно относительны» /формулировки, немыслимые для «прошлого» Мюльмана!/.

В своем капитальном труде «Человек – творец» /«Homo Kreator», 1962г./ ученый, по его словам, собрал и систематизировал статьи за последние двадцать лет. Существенны для нового Мюльмана рассуждения о «народе» и «нациях». «Эти понятия проблематичны и основываются на романтических взглядах. Их существо так никогда и не было выяснено», – писал ученый. Другой ключевой установкой книги было отрицание значения собственного представления народа о своем происхождении. – «Сегодня наукой установлено, что между мифологическими представлениями о прародине, о древнейшем происхождении народов и исторической действительностью лежит пропасть». Таким образом, Мюльман выбивал из научных построений краеугольный камень в виде исторической интуиции народа, включая его ученую часть. – Без искусной интерпретации масса археологического, этнографического и лингвистического материала превращалась в груды малополезных сведений.

Вместо «мифологической» гипотезы Мюльман предложил собственную версию сложения народов из разнородных по этнической принадлежности групп *изгнанников*. Эта фантастическая теория описывала возникновение нового племени в результате принятия вождями племенных групп беглецов и преступников /!/ разного происхождения. «Часто в одном месте соединялись самые различные этнические группы», – утверждал ученый. – «В одних случаях на время, в других – устойчивые общности. Неосновательно, что этногенез является следствием происхождения «из одного ствола». Идея прямого этногенеза от одного «прародителя» потерпела крушение».

Удивительна обтекаемость этих формулировок. – Происхождение народов из «*разных стволов*» авторитетные ученые объясняют действием расового фактора /как в прошлом и делал Мюльман/. Но его новая логика вела в другую сторону, доказывая смешанный, «нечистый» характер любого этноса. Всё же акцентирование внимания науки на исследовании этнических процессов открывало богатые возможности для этнологии. К сожалению лишь немногие его ученики и сторонники предприняли ограниченные шаги по исследованию этносов. Зато его призывы к «социологизации» этнологии были восприняты рядом ученых. Сегодня некоторые идеи американской культурной антропологии, лишенные национальной /немецкой или русской/ подкладки, стали чуть ли не господствующими. Сами же ученые, пропагандировавшие эти идеи в *немецкой* интерпретации, основательно забыты даже в немецкоязычных странах и тем более за их пределами.

Бурные дискуссии, продолжавшиеся после смерти Мюльмана, вызвала его по-своему «аристократическая» концепция об иерархичности этносов в соответствии с их численностью и занимаемым ареалом, политическим и экономическим развитием. Предположив, что этнос «высшего» порядка закономерно да-

вит на «низший», ученый пришел к мысли об обязательных в этих случаях процессах ассимиляции и разрушения одного этноса другим. Действительно, подобное неоднократно происходило в истории. Содержательна идея Мюльмана об *этнической ассимиляции*, которую он рассматривал на примерах перехода целых национальных меньшинств в состав господствующего государственного этноса /Umvolkung/. К этому следует добавить, что ассимилируются не всякие этносы, но биологически и в духовном смысле близкие друг другу /проблематична, например, ассимиляция африканцев в германский этнос, а китайцев в русский/.

Плодотворность многих идей Мюльмана, даже в их «урезанном» виде, доказывается тем, что многие его ученики и последователи стали впоследствии известными учеными: Ганс Фишер, Вольфганг Рудольф, Рюдигер Шотт, К.-А. Шмидт... Но принижение значения фундаментальной теории сообщало исследованиям даже талантливых ученых эклектические взгляды на важные проблемы этнологии. Такова книга Кунца Диттмера «Всеобщая этнология. Формы и развитие культуры». Автор демонстрирует влияние целого ряда течений: Венской школы, функционализма, культурной морфологии, социологического направления, некоторых идей С.М. Широкогорова. Всё это ученый компилировал с целью представить этнологию универсальной наукой о человеке. Местами в тексте прорывались оттесненные в «подсознание» мысли, например, призыв к «колониальной этнологии», что должно было «создать лучшее взаимопонимание между народами».

Диттмер затрагивал и расовую проблему, осторожно, без логической последовательности замечая, что «часто значение расовой принадлежности преувеличивается. В течение всей истории расы изменялись и смешивались. С расой связан не интеллект, а чувства, мир ощущений, черты характера» /на самом деле духовный мир человека един во всех проявлениях: разума, чувства и воли – И.Б./. Ничего нового не опровергло и не доказало другое замечание Диттмера: «Раса, язык, культурный круг не совпадают с границами народа. Каждый народ состоит из разных расовых типов, а одна и та же раса, как и язык, представлена в разных народах». Этот факт подтверждают ведущие расологии мира, но придают ему другое значение, отмечая господствующую роль одного из расовых компонентов в народном сообществе. Логика же Диттмера приводит его к абсурдному выводу о том, что государство не зависит от расы населения, его культуры и языка. Всё же ученый в противоречии с собственными выводами пишет: «Биологически и культурно лучше приспособленные этнические общности образуют в определенные исторические эпохи ведущие этнические общности, которые становятся образцом для других». Самостоятелен и серьезен взгляд Диттмера на возникновение и развитие культуры «не из-за пустой игры, а вследствие борьбы за существование».

Наряду с Турнвальдом, Мюльманом, Вестфаль-Хелльбуш и другими известными представителями немецкой этнологии проблемами американской культурной антропологии занималось младшее поколение этнологов. Карл Селлер в статье «Предыстории и этнология в их значении для современной антропологии» /1951/ отмечал, что антропология синтезирует естественные и гуманитарные науки, а «собственно этнология примыкает к учению о расах, происхождении человека и предыстории». Примечательно, что Селлер проявлял интерес и к «народной психологии». Другие известные сторонники культурной антропологии: Юлиус Глюк, Жан Гебсер, Фриц Хензель – не оставили заметного следа в теории этнологии. Их сочинения наполнены абстрактными философско-социологическими рассуждениями и страдают субъективизмом при недостатке конкретных данных, а иногда содержат прямо фантастические выводы.

Ряд известных этнологов послевоенного периода исследовал проблемы хозяйства. В частности, этим занимался теоретик в области первобытного общества Рюдигер Шотт, ученик Г. Тримборна и В. Мюльмана. В 1960г. Шотт опубликовал в одном из экологических журналов статью «Исторический обзор советской этнографии». Он был разносторонним ученым. Шотту принадлежат работы по проблемам развивающихся стран, по этнологии права. Он, как и Тримборн, считал, что этнология должна заниматься всеми народами земли. Однако в книге «Начала частного и планового хозяйства» Шотт, отдавая дань времени, в противоречии с принципом историзма и накопленным наукой богатым этнографическим материалом, вступил в дискуссию с Тримборном по поводу выделения последним ступеней «высших» и «низших» охотников. Не случайно в серьезной работе «Задачи этнологии сегодня» /1981/ Р. Шотт констатировал, что «сегодня масштабы немецкой науки ограничены, но не следует самобичеваться, так как не все, сделанное за рубежом соответствует «масштабу», многое бесполезно...Чаще, чем дамские моды, сменяются в этнологии научные направления». В связи с этим ученый критиковал американскую антропологию, фактически ушедшую от постановки и решения фундаментальных проблем. «Не надо забывать отечественные традиции и труды прошлого»,- призывал Шотт. Но, поставив задачу преодоления этнических, национальных, расовых и религиозных предрассудков, он игнорировал ряд капитальных работ немецких этнологов, которые исследовали эти явления не как «предрассудки», но в связи с их присутствием в обширном историческом материале, в равной мере относящимся к хозяйственной и духовной жизни народов.

Научная деятельность другого исследователя хозяйственных проблем – Эттмара, ученого с широким кругом интересов, началась в 1950-е годы. Формально не примыкая ни к одному из теоретических учений своего времени, он одним из первых предупреждал об опасности социологизации этнологии и утере ею вследствие этого специфики как самостоятельной науки. Карл Эттмар, специа-

лист по кочевым народам Западной Азии, объектом этнологии считал «естественные» /первобытные и полупервобытные/ народы. Естественные народы, по Эттмару, «избежали втягивания в цепной процесс, который мы называем «высокими» культурами, и который кончится глобальной катастрофой... Естественные народы оставались в гармонии, пока к ним не вторглись пришельцы».

Подчеркивая свой историзм, ученый однако не оставил соображений о том, каким образом можно было избежать глубокого взаимодействия носителей «отсталых» и «высоких» культур. Но еще в 1968г. Эттмар предостерегал против заимствования развивающимися странами вместе с экономической помощью идеологии. Она безопасна для индустриальных стран, но в других условиях может вызвать тяжелые конфликты, писал ученый, указывая на то, что экономическая помощь, забираемая господствующей этнической верхушкой, создает вражду между этносами. Исследуя хозяйственные и духовные процессы в древности, Эттмар писал о продвижении индогерманских групп с запада на восток, где мигранты в 3-м тыс. до н.э. в новых местах перешли к номадизму /циклическому перемещению целой народности/. – «Номадизм дает военные преимущества», – утверждал он. В работе 1975г. о доисламских верованиях народов Гиндукуша ученый предложил интересные аналогии с верованиями индусов и древних народов Западной Азии.

Проблемами номадизма занимался Хенн Польшаузен / работа 1954г./. По его словам, он выработал новый метод, названный «этнобиологическим», или «культурно-биологическим», состоявший в попытке объяснения факторов культуры посредством биологии. Он также утверждал, что пастушеский комплекс связан с «нордической расой». Многие статьи Польшаузена имели антирусскую направленность по отношению к народам Сибири.

Базельский профессор Пауль Траппе /р.1931/ ставил задачу «разработать методы свободного от идеологии изучения современных процессов у отсталых народов». Он подтверждал вывод многих современных этнологов о том, что простое заимствование развивающимися странами достигнутого Западом ведет к «большим претензиям, сохранению отсталости, непредсказуемым последствиям и конфликтам». Затем следовал неожиданный вывод: «Развивающиеся страны могут достигнуть действительного прогресса, только восприняв западную социальную структуру».

Показателем состояния послевоенной этнологии в немецкоязычных странах может служить особый интерес к проблемам историографии. Обычно подобные процессы сопровождают кризисные явления в науке. С конца 1970-х до середины 90-х годов число серьезных публикаций на эти темы превысило 50. Оценка этнологии с 1933 по 45 год, долго находившейся под негласным табу, привле-

кает все большее внимание. Однако среди этих работ нет фундаментальных исследований, анализирующих весь путь, пройденный наукой, детальную историю теоретических взглядов и учений. Практически отсутствует анализ капитальных трудов.

Профессор университета в Майнце Х.-Ю. Хильдебрандт в статьях 1990 и 1994гг. описал установившуюся практику присвоения профессорского звания, когда основное внимание обращается на полевую работу и региональную специализацию /«теоретическая квалификация принимается во внимание во вторую очередь»/. Хильдебрандт отметил, что все попытки развернуть в ФРГ дискуссию по фундаментальным проблемам не приводили к успеху, так как «этнографическая элита придерживалась принципа: игнорировать и высидеть! И это удавалось». Сожалея о слабой разработанности историографии немецкой этнологии, ученый сослался на единственную обобщающую работу в этой области – «Историю антропологии» В. Мюльмана /последнее переиздание в 1968г./. В этнологии господствует «наивный эмпиризм» и неприязнь к теории, вплоть до вражды к ней», – писал Хильдебрандт. Для преодоления этих перекосов он предложил развернуть серьезное профессиональное образование.

В последние десятилетия XX века вновь возродился интерес к виднейшему представителю этнологии в Германии – Рихарду Турнвальду. Примером служит обстоятельное исследование берлинского этнолога Марион Мельк-Кох. Не акцентируя внимание на взглядах Турнвальда, созвучных национал-социалистической пропаганде, она

подчеркнула современное звучание некоторых его идей. Мельк-Кох пишет, что еще в 1904г. Турнвальд опубликовал в «Архиве расовой и общественной психологии» обширное исследование «с целью установить воздействие города на жизненный процесс расы». Ученый утверждал там, что «городской пролетариат является в среднем результатом процеживания, происходящим с выходцами из села». В статье «К критике социальной биологии» /1924/ Турнвальд окончательно сформулировал свою теорию о социальном процеживании /просеивании/, противопоставляя его биологическому отбору. «Выцеженными» /в демократические времена – И.Б./ оказываются не самые способные, а те, кого такими считает общество и предоставляет им ведущее положение. Нередко наибольший успех имеют те, которые в наименьшей мере считаются с порядочностью. Это не случайно, что сегодня мы так бедны способными к руководству личностями», – заключал Турнвальд, как будто заглянув через несколько десятилетий.

Симптоматично это обращение к корифею немецкой этнологии, несмотря на его сложное прошлое. Немецкая глубина характера не могла долго мириться с по-

верхностными и претенциозными построениями Боаса, «евромарксиста» Досталя, Леви-Брюлля и других обновителей традиционной науки. Директор Гамбургского музея этнологии Ганс Фишер в статье 1971г. о задачах историографии называет базовые имена для изучения в высшей школе. За исключением самостоятельной фигуры Адольфа Бастиана в этот перечень помещены В. Шмидт, Франц Боас и Леви-Брюль, заимствовавшие ключевые идеи у Ратцеля и Фробениуса. Никто из этой тройки не внес в теорию этнологии ничего основополагающего.

Повышенным вниманием стал пользоваться другой выдающийся немецкий этнолог – Лео Фробениус. В небольшой работе «Этнология о войне и в войне», 1994г. Бернхардт Штрек, исследуя немецкую этнологию между двумя мировыми войнами, и ссылаясь на Фробениуса, затронул острую тему: «аффективное возбуждение», вызванное войной, ведет к «творческому действию». Такого рода смелость в частных вопросах прорывается у ряда ученых, впечатленных традициями немецкой этнологии с ее опытом свободных исследований.

Драматичнее обстоит дело с капитальными проблемами этнологической науки. До настоящего времени среди немецкоязычных исследователей нет определенного мнения о предмете и целях этнологии, как и об объектах её исследований. Авторитетные ученые советовали обратиться к национальным традициям. Рюдигер Шотт в работе «Задачи немецкой этнологии сегодня», 1981г. писал: «Десять лет назад юные адепты нашей науки объявили, что «этнология отцов мертва». «Однако мы и сегодня ждем от их работ нужные ответы... Не надо забывать традиции и труды прошлого». Призывая к преодолению этнических, националистических, расовых и религиозных «предрассудков», Шотт сдержанно отметил вклад в науку крупных этнологов, работавших в Германии до 1945 года.

Ганс Фишер в статье «Что такое этнология?», 1992г. пишет: «Окончательной формулировки, что такое этнология, нет и каждый исследователь должен решить этот вопрос сам... Поэтому этнологи не могут договориться о содержании своей науки». Ученый рекомендовал при обучении студентов ограничиться узкой проблематикой. В 1990г. Г. Фишер опубликовал солидное исследование «Этнология при национал-социализме». Ценность большого фактического материала в этой работе снижается туманными оценками научных достижений этнологов прошлого. Осуждая Бастиана, Вестермана и Шурца за внимание к «высоким» культурам, ученый хвалит Малиновского и Херцковича за их идею о вхождении малых автономных обществ в большие этносы. «Различия в образе жизни человеческих групп /культур/ объясняются окружающей средой или являются следствием исторических судеб», – писал Фишер, принижая значение этнического фактора.

Исследуя научную жизнь в Третьем Рейхе, он отметил связь этнологии с уникальной научной организацией «Ahnenerbe» /«Наследие предков»/. В эту, по его словам, «не признаваемую официальной наукой организацию», входили ученые с мировой известностью: немцы В. Вюст, Г. Гармянц, австриец Вильфомзендер, датчанин А. Бомерс и многие другие. Фишер усматривает сходство между этнологией и национал-социализмом в том, что идеологи последнего считали каждый народ /народность – Volkstum/ своеобразными до степени коренных различий. При этом ученый ошибочно приписывает национал-социалистам отождествление Volkstuma с расой, затемняя научную суть вопроса /на самом деле, немцы, как и другие народы, по авторитетному свидетельству крупнейшего расолога Германии [Ганса Гюнтера](#), включают в свой состав представителей различных расовых групп/.

Поясняя отношение к этнологии в Третьем Рейхе, Г. Фишер пишет: «Этнологию никто не унижал и не обращался с ней плохо, ... потому что, несмотря на все усилия использовать ее, она оказалась идеологически и практически непригодной. Один из могущественных нацистов сказал, что этнология это «экзотическая ерунда». Но если этнологи чувствовали тогда себя достаточно свободными, то так называемый «кризис науки» в годы национал-социализма следует объяснять не политическими причинами. Напротив, в тот период ученые напряженно искали пути к обновлению своих теоретических позиций. К нему могла привести опора на расологию и тесный контакт с народоведением. Процесс шел в нужном направлении, но трагические события войны разрушили наметившийся союз этих самостоятельных наук.

Подлинный кризис этнологии начался в послевоенный период немецкой истории, когда научную мысль обуздали политическими соображениями. Полугласный запрет на творческие поиски нанес значительно больший вред этнологии, чем тоталитарный режим. Впрочем, многое объяснялось робостью этнологов, боязнью попасть под огонь политических обвинений за связи с прошлым.

Мюнхенский профессор Лотар Пюцштюк в работе «Этнология и национал-социализм», 1994г. рассмотрел три проблемы: 1. Эпоху «замалчивания» вопроса – 1945-80гг.; 2. 80-е годы – начало критического осмысления национал-социалистической идеологии отдельными молодыми исследователями; 3. Коллоквиум в ноябре 1990г. на тему «Этнология и национал-социализм» и ситуацию на конец 1993г. Для характеристики уровня подобной критики достаточно привести послевоенные нападки слабого теоретика В. Шмидта на выдающегося ученого Ганса Гюнтера, занимавшего независимую научную позицию.

Точки зрения о путях обновления этнологии отличаются степенью радикализма их авторов. Тюбингенский профессор Карл Новотный в работе «Кризис этноло-

гии», 1980г. утверждает: «Преодоление кризиса в этнологии возможно лишь в свободной от теории, основанной на материале работе». Эта статья, наряду с другими, свидетельствует об усилении нигилистических взглядах в немецкой этнологии. Берлинский ученый Юстин Штагль в работе 1993г. «Основные вопросы этнологии» писал: «Классическая эпоха этнологии позади, и тщетны стремления решить человеческие проблемы научными средствами». Подобный нигилизм, привел к тому, что сегодня в Германии отсутствуют систематические планы в учебном процессе. Профессора по собственной воле читают случайные курсы. В результате студенты и аспиранты не получают достаточно широкого образования и становятся узкими специалистами.

Эмигрировавший в Америку из Германии по расовым мотивам К.-Л. Шлезьер в статье 1980г. представляет силы, стремящиеся пересоздать научное поле, на котором работают этнологи. Он пишет: «Должен возникнуть новый социализм, который будет ориентирован не на европейское мышление, а на маленькие культуры... Новая антропология преодолела национальные и классовые интересы... Она защитник малых первобытных групп». Сходные взгляды в современной Германии высказывает В. Досталь.

С другой стороны наступает на традицию доцент Кёльнского университета доктор Хармут Ланг, утверждающий, что этнология должна заниматься системным анализом и системной теорией, для чего пригодна «компьютерная симуляция», при которой происходящие процессы изображаются в модели. Этот абстрактный подход игнорирует серьезные качественные различия между этносами. Ланг признает, что системный подход не заменяет теорию. Тем не менее, он, а не теория лежит в основе построений ученого.

Гейдельбергский этнолог Юрген Ензен видит задачу в другом. Он пишет: «Совместное изучение высоко индустриальных обществ и стран третьего мира позволит устранить понятие «высокие культуры». При этом Ензен отрицает значение исследования народов, стоящих на невысоком уровне технического и культурного развития. Не предложив ничего нового в теории, ученый пытается ревизовать устоявшиеся научные представления о неравноценности вклада различных народов в развитие цивилизации.

Карл Эттмар, оценивая степень технического развития, указывает еще одну проблему: «Вставал вопрос, как быть с малоразвитыми слоями населения в своем или соседнем народе... В немецких странах в связи с этим появилось народоведение». Эттмар, таким образом, переводит дискуссионный вопрос о неравенстве этносов в глубину собственного народа, намекая на присутствие в нем слоев, будто бы различающихся друг от друга не меньше, чем народы с «высокой» и «низкой» культурой.

Таким образом, за несколько десятилетий германское этнологическое наследие оказалось отброшено и заменено новыми научными направлениями, пришедшими из англо-саксонских стран. – Прежде всего, культурной антропологией американского и английского образца, лишь косвенно соприкасающейся с проблемами, которыми занималась немецкая этнология с момента её возникновения.

Только некоторые немецкоязычные этнологи проявили интерес к тому, что должно было стать ядром плодотворных теоретических построений – *проблеме этноса*. Здесь, кроме отечественных ученых, прежде всего Турнвальда и Мюльмана, сказались влияние С.М. Широкогорова /понятие «этническая общность»/. Австрийский этнолог Карл Вернхарт высказал несколько существенных соображений на эту тему в статье «Размышления о концепции культурной истории» /1978г., переиздана в 1982 и 86гг./. Ранее Вернхарт совместно с Хиршбергом предложил углубленное понятие *этноистории*, введенное в науку в 1932г. профессором Фрицем Рокком на одной из встреч возникшего в 1930г. «Венского рабочего сообщества по изучению культуры Африки». К. Вернхарт писал: «Посредством этноистории и культурной истории можно получить более адекватное и глубокое представление об исторических процессах, но с акцентом не на политически ориентированные явления, а в области культурных проявлений». Ученый полагает, что «этнос» является центральным понятием антропологических дисциплин, имея самое большое значение для этнологии, народоведения /европейской этнологии/, человеческой биологии /физической антропологии/, первобытной и ранней истории.

Проблемам этнологии и культуры посвящена большая работа Вольфганга Рудольфа «Этнос и культура», 1988г. В ней Рудольф утверждает, что этнология не связывает с термином «этнос» оценочных категорий и субъективной точки зрения. Рассуждая о «формах существования», он фактически противопоставляет этносу «культуру», как не связанную с «физиологией», и отдает предпочтение культуре /«понятие этнос относительно»/. В то же время Рудольф в противоречии с собственной логикой называет этнос и этнические процессы основным полем деятельности этнологии /советские этнологи придерживались такого же мнения!/.

В конце 80-х годов XX века внимание некоторых немецких этнологов привлекла *проблема родства*. Одной из первых работ в этом направлении была статья Хартмута Ланга «Что является предметом этнологии родства?», 1989г. Он писал, что изучение родства принадлежит к коренным проблемам этнологии. При этом Ланг рассматривал альтернативу «кровного» и «социального» родства, без оценочного предпочтения одного другому. Георг Пфеффер в «Этнологии родства», 1992г. назвал проблему родства самостоятельным направлением иссле-

дования в этнологии, но категорически отмежевался от каких-либо «вкусных оценок». Соединение «кровного родства» и «этноса» в один предмет исследования по-прежнему пугают исследователей аналогией с недавним прошлым.

Таким образом, этнология в XX веке зашла в тупик. В германоязычных странах эта наука стала жертвой стимулированного извне подавляющего эмпиризма и грубых политических влияний. Возрождение этнологии возможно лишь с её обращением к фундаментальным понятиям *этнос* и *раса*. Этнологией накоплен гигантский фактический материал, который при новом подходе позволит этой науке занять самостоятельное и видное место среди научных дисциплин о народах и их культурах, наряду с антропологией и расологией. Совокупность этих наук и станет подлинным народоведением будущего.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).